

Это не сон

Автор:

Тереза Дрисколл

Это не сон

Тереза Дрисколл

Тереза Дрисколл, автор международного бестселлера «Я слежу за тобой», так говорит о своем новом романе: «Начиная карьеру журналиста, я наивно полагала, что всегда есть нечто в поведении человека или в его биографии, что выдаст в нем зло. Но потом столкнулась с делами самых милых людей, чьи поступки пугали меня гораздо больше, чем поступки очевидных преступников. Волки в овечьей шкуре». Но как их разоблачить?..

Мчась в поезде за много миль от дома, Софи получает по телефону ужасающее известие. Два маленьких мальчика попали в катастрофу. Один из них – ее четырехлетний сын Бен. Теперь они находятся в больнице в тяжелом состоянии.

Софи думала, что может на время оставить Бена со своей лучшей подругой Эммой. С человеком, которому она доверяла как самой себе, несмотря на все слухи, крутившиеся вокруг нее. А теперь ее терзает мысль о том, что она совершила непоправимую ошибку.

В самом деле, хорошо ли она знала Эмму?..

Тереза Дрисколл

Это не сон

Teresa Driscoll

The Friend

© Петухов А.С., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Сегодня, 14.00

«При чем здесь малиновка? Ничего не понимаю...»

Я стою в вагонном туалете – широко расставив ноги и опираясь на крохотный умывальник из нержавеющей стали, и судорожно пытаюсь... просто... вздохнуть... черт побери... и разобраться, какое отношение, мать твою, ко всему этому имеет малиновка.

А более чем в двухстах милях отсюда, в больнице, моего ребенка обихаживают чужие люди. И сейчас решается вопрос о том, удалять ему селезенку или нет.

Какое-то кошмарное недопонимание, которое все мои телефонные звонки так и не смогли разрешить; ведь он находится там со своим другом, а медики – и это самое поразительное – не могут определить, кто из них кто. Вся эта путаница с идентификацией кажется пошлой и сюрреалистичной, хотя только сейчас мне приходит в голову, что, если сильно не приглядываться, дети действительно довольно похожи: каштановые волосы, карие глаза и, благодаря недавнему «рывку» друга моего сына, одинаковый рост.

Медсестра с мягким ирландским акцентом пытается выяснить у меня хоть что-то, в то время как меня окутало каким-то туманом, который мешает логически мыслить. Она интересуется, есть ли у моего сына особые приметы.

«Родинки? Веснушки? Родимые пятна?»

Ранее мне уже сказали, что парамедики[1 - Парамедик – в англоговорящих странах специалист с медицинским образованием, работающий в службах медицинской помощи, аварийно-спасательных и военных подразделениях и обладающий навыками оказания экстренной медицинской помощи на догоспитальном этапе.] удалили одежду мальчиков, но я почему-то чувствую какое-то странное успокоение, когда медсестра перечисляет мне предметы гардероба: зеленая футболка с динозавром (любимая, которую я специально выгладила накануне) и черные джинсы с завернутыми манжетами, потому что они слегка ему длинноваты. Я все время собиралась подшить их, но, как мать, я вообще-то не по этому делу, и...

Медсестра осторожно прерывает меня и спрашивает о его волосах.

«Они у него прямые? Или кудрявые?»

Я рассказываю, что у него необычная макушка – немного напоминает вопросительный знак. Когда он, младенцем, спал у меня на руках, я, бывало, водила по ней пальцем.

Линия на том конце замолкает, и я ловлю себя на том, что непроизвольно рисую вопросительный знак на краю умывальника. А потом сестра говорит, что ей очень жаль, но она проверила прическу ребенка и не понимает, что я имею в виду, а я перестаю ее слушать и вспоминаю тот день, когда мой сын решил самостоятельно сделать себе стрижку. Ему было около трех (это произошло год назад), и он вошел ко мне в комнату с широко раскрытыми глазенками: они со страхом смотрели на меня из-под спутанной копны волос, а в руках он держал ножницы.

И в этом крохотном жутком пространстве, в котором я сейчас нахожусь, мне вдруг на мгновение представляется его чистое лицо, которое смотрит на меня из глубины покрытого потеками нержавеющей антуража.

«Мамочка, а ты можешь это починить?»

Раскачивающийся вагон – та-там, та-там – делает поворот и вновь набирает скорость, поэтому мне приходится еще шире расставить ноги, чтобы не упасть. Кто-то негромко стучит в дверь туалета и спрашивает, всё ли у меня в порядке, но вопрос этот кажется мне настолько неуместным, что я слышу лишь странные

звуки, которые вырываются у меня изо рта. Закрываю глаза, и перед моим внутренним взором проносятся смутные картины тех мест и тех моментов, когда я должна была бы предвидеть то, что произошло.

И остановить это.

Нам понадобилось всего шесть месяцев, чтобы оказаться там, где я сейчас нахожусь, и я не могу поверить, что позволила...

И вот в трубке вновь раздается голос медсестры (та-там, та-там), и сейчас она явно чем-то взволнована: у одного из мальчиков на руке что-то нарисовано фломастером. Эта закорючка напоминает птицу – возможно, малиновку, потому что у нее ярко-красная грудка.

Так вот, она хочет знать, не напоминает ли мне это о чем-нибудь?

«Красная грудка малиновки?»

Глава 1

В недалеком прошлом

Мы встретились в четверг. Два мальчика. Две матери. Много позже, особенно в поезде, я буду корить себя за любопытство и волнение, которое ощущала в тот момент, за тот энтузиазм, с которым пошла навстречу всему этому.

Но в те минуты я ничего не знала о будущем – о последствиях этой встречи.

Тогда я еще не знала, что кто-то умрет, – я была захвачена настолько тривиальными дневными заботами, что в самый критический момент нашей встречи позволила пастернаку[2 - Пастернак – многолетнее травянистое растение, которое широко применяется в кулинарии и кондитерском производстве.] полностью отвлечь мое внимание.

Вообще-то, в магазин я пошла за свежими яйцами, захватив с собой только сумочку, но пастернак меня удивил: он был таким крепким и толстым... Я купила его слишком много для того бесплатного и очень хилого бумажного пакета, так что на деревенской площади в самый разгар суматохи я появилась с Беном, которого удерживала на одном бедре, и пастернаком, торчавшим из пакета во все стороны, на другом.

Сначала я не заметила грузовик – просто небольшая толпа, собравшаяся возле паба. Увидела несколько знакомых, которые качали головами с привычным испуганным выражением на лицах. И только когда я подошла ближе – несколько корнеплодов вывалились на землю сквозь прореху в пакете, черт бы их побрал, – я поняла, что произошло.

Это случилось не впервые – за те четыре года, что мы жили в Тэдбери-Кросс, я уже видела два похожих инцидента: грузовозы неправильно оценивали поворот на изгибе холма возле паба и оказывались зажатыми между стеной питейного заведения и коттеджем несчастной Хизер.

«Несчастливая Хизер» была местной художницей, которая находилась в бедственном положении и платила самый большой страховой взнос среди жителей деревни. Когда пару лет назад ей пришлось восстанавливать бо?льшую часть кухонной стены, Хизер решила выбросить полотенце[3 - То есть признать свое поражение.]. Но слухи об угрозе грузовозов уже расползлись по округе, так что двое потенциальных покупателей быстро слились, а владельцы близлежащих домов, боявшиеся подобных «разрушительных» слухов больше ядерной войны, заставили окружной совет начать громкую, но совершенно бесполезную дискуссию о строительстве об?ездной дороги.

В толпе звучало «нет» и «только не это», а я напрягала мышцы живота, стараясь собрать пастернак и в то же время не уронить Бена. И, только выпрямившись, заметила ее. Свое зеркальное отражение. Эту поразительную приезжую – женщину моего возраста, которая стояла точно в такой же позе, что и я, прижимая к бедру маленького мальчика.

С ног до головы она была одета в черное, на ногах – серебристые балетки, а дополняли всё это соответствующие аксессуары – признак городского шика, который стал мгновенно замечен, как только она подняла солнцезащитные очки и я смогла рассмотреть ее поразительные голубые глаза. Я заметила, как Натан – местный архитектор и друг нашей семьи – смотрит на нее, стараясь

втянуть живот, и прикусила губу, чтобы не улыбнуться.

– Ваш фургон? – спросила я, делая шаг вперед. Мальчики, устроившиеся у каждой из нас на бедре, рассматривали друг друга с робким любопытством.

– Боюсь, что да. Не самое лучшее начало, а? – Ее сын уткнулся лицом ей в плечо. Бен сделал то же самое. Оба они притворялись, что не смотрят украдкой друг на друга. Выглядело это смешно.

Через площадь до нас доносились взаимоисключающие рекомендации, которые несколько человек давали водителю фургона для перевозки мебели: кабину временно зажало между двумя каменными стенами.

«Руль до конца влево...»

«Нет. Нет. Сначала ему надо выровняться. Вперед немного. А потом назад».

– Мы переезжаем в «Приорат», – женщина скорчила гримасу. – Так, по крайней мере, планировалось. Кстати, меня зовут Эмма. Эмма Картер. – Она попыталась протянуть мне руку, но ее сынишка заерзал, протестуя, и она только пожала плечами, как бы извиняясь, а потом подхватила его обеими руками и приподняла в более удобное положение.

– Послушайте, я живу как раз напротив, – я улыбнулась. – Как насчет чашечки чая? Меня зовут Софи, а это – Бен.

– Спасибо за приглашение, но я не могу. Правда. Мне надо помочь разобраться со всей этой неразберихой.

– Поверьте мне – это надолго. А помощников здесь и так хватает. Вполне возможно, что скоро здесь появится группа с телевидения. Боюсь, что это случается не в первый раз. Сейчас как раз ведется небольшая кампания, чтобы решить этот вопрос раз и навсегда. – Выражение ее лица изменилось, и я почувствовала укол вины. – Простите меня, Эмма. Я растревожила вас не по делу... Честное слово, вы оба выглядите так, что чашка чая вам совсем не помешает. Почему бы не переждать всё у меня? Мальчики поиграют. Никаких проблем.

– Но я чувствую себя ответственной...

– Глупости. Вы ни в чем не виноваты. Идемте.

Я повернулась предупредить Натана, стоявшего слева, о том, что мы собираемся делать, и потеряла еще несколько корнеплодов, отчего Эмма громко рассмеялась. Несколько голов повернулись в нашу сторону, кто-то помог мне спасти овощи, так что, когда мы подходили к нашему коттеджу, мы обе улыбались над нелепостью произошедшего.

Когда я открыла дверь, меня как громом поразило – появилась странная дрожь возбуждения, которая иногда возникает при встрече с незнакомым человеком. Я заметила, что Эмма смотрит прямо себе под ноги, в точности как смотрела я, когда впервые вошла в дом. Пол. Иногда, после отпуска, я всё еще ему удивляюсь. Этот плитняк[4 - Плитняк – пластины природного камня. Представляет собой плоскую плиту различной формы. Средняя толщина плитняка – от 12 до 150 мм.]. Совсем не та идеальная подогнанность плитки, как в некоторых магазинах, продающих кухни, в которые мы иногда заходили в прошлом, в нашу бытность горожанами. Это более мягкое и изысканное доказательство минувшего. Свидетельство времени. Все камни имеют округлую форму и очень гладкие – контуры их размыты сотнями тысяч ног, которые прошли по ним за сотни лет, поэтому, когда я увидела их в первый раз, мне захотелось нагнуться и погладить их. Отчаянно захотелось провести пальцами по прохладной гладкой поверхности. В тот момент я чувствовала себя не в своей тарелке – агент по торговле недвижимостью улыбался от уха до уха, а Марк шипел у меня за спиной, что не стоит демонстрировать столько энтузиазма.

«Повредит при торге, Софи».

– Милое местечко. – Эмма поставила сына на пол и разгладила одежду, прежде чем последовать моему давнему примеру и опуститься на колени, чтобы провести по полу сначала ладонью, а потом дотронуться до него кончиками пальцев. Перед тем как присесть на корточки, она ощупала края окаменелостей в самом углу одной из пластин плитняка.

– Я вам завидую. Это просто великолепно. – Еще раз провела кончиками пальцев по контуру камня (моего любимого), и я заметила, что ее руки не соответствуют ее общему внешнему виду. Короткие пальцы, неухоженные ногти, грубая кожа.

– Так обидно, что множество таких полов просто перекопали... К сожалению, в «Приорате» везде ковровое покрытие. Я надеялась, что под ним может что-то скрываться, но, проверив, убедилась, что там – бетон.

– Я знаю. – Меня что-то сбивало с толку, какое-то ощущение, которое невозможно осознать, поэтому я отвернулась и повела мальчиков на кухню, где налила им яблочного сока и опустилась на колени, чтобы посмотреть сыну Эммы в глаза.

– И как же вас зовут, молодой человек?

– Тео. Сокращенно от Те-о-дор.

– Неужели? Что ж, очень красивое имя. Раньше мне не случалось встречать Те-о-дора. – Я специально вслед за ним разделила имя на три слога, но он никак на это не отреагировал, даже не улыбнулся, поэтому я повернулась к собственному сыну: – Ладно, Бен, как насчет того, чтобы показать Тео игрушки у себя в комнате и поиграть с ним? И не забудь, я вставила новые батарейки в поезд.

Я выпрямилась, и ощущение только усилилось. Это была давно забытая – но не могу сказать, чтобы неприятная, – смесь из легкого невроза и ожидания чего-то нового. Незнакомка. Перемены. Глоток свежего воздуха.

– Так, значит, вы знаете «Приорат»? Хотя о чем я говорю... Вы, наверное, знаете все дома в вашей деревне, Софи.

– Простите, но я бы на вашем месте здесь не садилась. Кошачья шерсть. Кстати, что будете пить – кофе или чай?

– Чай, если можно. А потом в качестве благодарности я погадаю вам на чайниках. О, боже, вы только посмотрите на это, – добавила она, усаживаясь возле окна. – Кто-то пытается влезть в кабину фургона через окно. Как вам это нравится?

– Если один из работников с фермы, то это очень здорово. Они способны развернуть фургон практически на пяточке. Простите, я не совсем поняла, что вы сказали... Я имею в виду чай.

Эмма отвернулась от окна.

– Это моя коронка на всех вечеринках. Я гадаю по чаинкам. Научилась у бабушки. По руке тоже. Вы же не против? – А потом, увидев, что я нахмурилась, добавила: – Простите, Софи. Я, кажется, вас смутила.

– Совсем нет. – Ложь. – Хотя, наверное, да. Честно говоря, мне кажется, у нас только пакетики с чаем.

Эмма рассмеялась, увидев, как я роюсь в стенном шкафчике.

– Поверьте мне, это не важно. Не беспокойтесь. Кружка крепкого чая – и больше ничего не надо. И чем крепче, тем лучше. Хотя насчет гадания я не шучу. Можем заняться этим в другое время. – Она вновь повернулась к окну. – Простите, а что вы там говорили насчет телевидения?

– Они вполне могут появиться. Это у нас вроде нескончаемой саги – грузовозы и дорога. Все зависит от того, насколько крепко он застрял и насколько они заняты с выпуском новостей. Хотя, если за дело взялся один из работников с фермы, дело может закончиться достаточно быстро. – Я прекратила свои поиски, будучи уверена, что обычного чая у нас нет, положила три пакетика в синий фарфоровый заварочный чайник и слегка отодвинулась от струи пара, поднявшейся, когда я наливала в него кипяток.

– Вообще-то, это очень мило с вашей стороны. То, что вы выручили меня и Тео. В Стритхэме[5 - Один из районов на юге Лондона.] такое просто невозможно.

– Так, значит, вы к нам из Лондона?

– Не совсем. Через Францию. Я провела там несколько месяцев с мамой.

– Ах, вот как... Понимаю.

– Сомневаюсь. Вообще-то, все немного запутано. Начнем с того, что мистера Картера не существует в природе. И никогда не существовало. Я надеюсь, что это не вызовет кривотолков. Я имею в виду Тео – ведь место здесь такое маленькое...

– Не говорите глупостей. – Я почувствовала, что краснею, и отнесла заварочный чайник и две наши лучшие кружки на стол. – Значит, несколько месяцев во Франции? По-моему, это здорово.

А потом Эмма вновь удивила меня – она явно вздрогнула, глядя на меня своими невозможными глазами и поигрывая длинными прядями темных волос. Станный и необъяснимый жест, принимая во внимание всю ту уверенность в себе, которую она демонстрировала.

Было очевидно, что Эмма явно пытается выиграть время, и мне стало ее жаль, когда она демонстративно отвернулась в сторону игровой, где мальчики, лежа на полу, устанавливали вагоны вслед за локомотивами на двух параллельных железнодорожных путях. Какое-то время мы обе наблюдали за ними. Я ждала.

– Кажется, они неплохо ладят друг с другом. Тео нервничал при переезде, и я, честно сказать, – тоже. – Наконец-то голос Эммы вновь зазвучал твердо. – Хотя я думаю, что мне здесь понравится.

И вновь улыбка. Не только на ее губах, но и в глазах, в которых я только сейчас заметила разноцветные точки – зеленые и коричневые вкрапления на голубом фоне. Это было настолько необычно, что я вновь насторожилась – из-за этого своего странного и неожиданного смятения чувств. Любопытство и еще что-то очень странное.

Что-то, чему я в тот момент не смогла найти определения.

Сегодня, 16.30

Так для чего же нужна эта селезенка?

Я смотрю из окна поезда и пытаюсь вспомнить, чему меня учили на уроках биологии, или хотя бы какой-нибудь отрывок из научно-популярного фильма, который мог бы мне помочь, но, к сожалению, в голову ничего не приходит. Вместо этого я вдруг вспоминаю про женщину, сидящую в нескольких рядах от меня с ребенком (он выводит меня из себя) и с... с «Айфоном».

Не проходит и минуты, а я уже стою в проходе возле нее.

– Прошу прощения, что отвлекаю; я никогда не решилась бы попросить вас, если бы не была в полном отчаянии. Мне необходимо посмотреть кое-что в Интернете, а у меня сегодня этот дурацкий телефон. Я готова вам заплатить...

– Простите?

– Не могли бы вы дать мне на время свой телефон? Прошу вас. Это всего на минуту. Дело в моем сыне. Ему всего четыре.

– У вашего четырехлетки уже есть мобильный? – В ее голосе слышится одновременно и удивление, и осуждение.

– Нет. Нет. Я, кажется, плохо объясняю... Я не собираюсь ему звонить – мне надо посмотреть кое-что, касающееся его. Он получил травму... Послушайте, я не хочу грузить вас... – Мне приходится делать паузу; слова застревают у меня в горле, а глаза гипнотизируют мою собеседницу: «Не. Смейте. Черт возьми. Спрашивать. Прошу вас». – Поймите. Я – в отчаянии. Это мой запасной телефон, и на нем нет выхода в Сеть. – Я подношу к ее глазам неуклюжую древнюю модель.

– Ясно. Я все поняла. Ну... пожалуйста. – С этими словами она смотрит на собственную дочь, которая фломастером раскрашивает картинку феи в разные оттенки розового. – Ну, конечно. Да. Прошу вас. – Что-то набирает на экране смартфона, снимая его с пароля, а я стараюсь ничем не показать, что завидую ей, потому что ее дочь сидит с ней рядом. Тяжело вздыхающая и явно скучающая.

В безопасности.

– Очень вам благодарна. Я – быстро.

Спустя пять минут я возвращаюсь на собственное место, а в голове у меня звучат одни и те же слова:

«...неотъемлемая часть иммунной системы».

Как я и боялась, селезенка – важная часть организма. Похожий на сжатый кулак орган расположен пониже грудной клетки и повыше желудка. Я делаю пометки в своей записной книжке. На странице в Интернете было что-то написано о системе фильтрации. Тромбоциты, красные и белые кровяные тельца. Если селезенка отсутствует, то риск инфекции значительно повышается, а это значит: может случиться так, что придется каждый день принимать пенициллин или другие антибиотики...

А ведь ему всего четыре.

Медицинская сестра проговорила по телефону об операции. Позже она пошла на попятную – сказала, что не имела права говорить мне об этом до тех пор, пока консультант не примет решение и они наконец не определят, кто есть кто из двух мальчиков...

Неожиданно к горлу подступает рвота. Само тошнотворное звучание слова «селезенка» делает меня слабой и жалкой – получается, что я недостаточно сильна для своего сына. Закрываю глаза и чувствую, что больше всего на свете мне сейчас хочется, чтобы на подносе из нержавеющей стали, который стоит у стены операционной, оказалась селезенка его друга. Сама по себе эта мысль жестока и безнравственна, и мне становится невероятно стыдно за себя, но я никак не могу ее от себя отогнать, потому что это и называется «материнство».

Мой ребенок. Моя детка.

В этот момент на этом гребаном поезде у меня нет сил думать о чем-то другом.

Глава 2

В недалеком прошлом

Знаете, в чем заключается самая большая ирония? Я сама заставила нас переехать в деревню, поскольку решила, что в ней будет безопасней.

Это был мой план, а не Марка. И я фактически настояла на нем.

Первые два года после свадьбы мы действительно наслаждались Лондоном. Театрами. Ресторанами. Мостами. Звуками большого города.

У нас была стандартная квартира с эркером в северной части города. Все рабочие поверхности в ней были черными, мягкие диваны – белыми, а возле местной кебабной постоянно что-то случалось. Воплощение мечты жителя мегаполиса, в которую мы безоглядно влюбились – и которую позже стали так же безоглядно ненавидеть. Наши друзья, плавно переходящие с каждой новой беременностью от наслаждения станциями метро и экзотической едой, что всегда была под рукой, к неожиданным спорам по поводу высокого уровня преступности, отсутствия свободного места для хранения шмоток и качества преподавания в местной муниципальной школе.

С распространением детских гормонов среди членов нашего круга друзья стали удивлять друг друга и всех остальных, радикально изменяя свою жизнь: Райан и Илейн отправились управлять туристическим комплексом во Франции, Салли и Иден уехали учительствовать в Новую Зеландию, Гермiona и Йен поселились в столь ненавидимом ими пригороде, а Саймон и Стелла стали участниками бракоразводного процесса.

А потом наступила наша очередь.

– Лондон – не место для семейной жизни, Марк. Здесь слишком опасно.

– Полная ерунда, Софи. Для семьи это место – просто роскошь. Только подумай о музеях...

– В музеи, Марк, мы никогда не ходим. Я – серьезно. Ты видел местную школу? Такое впечатление, что ножи там входят в обязательный набор первоклассника.

– Значит, мы будем учиться в частной.

– Мы же с тобой не верим в частное обучение.

– Способность менять свои убеждения – вещь вполне допустимая, после того как ребенок уже родился. – Он смотрел на мой живот, а я стояла перед ним на пятом месяце беременности в черно-белой кухне нашей вдруг ставшей неудобной

квартиры с одной спальней.

План Марка был даже слишком примитивен. Мы просто переедем в бо?льшую квартиру с палисадником и лазерной системой охраны.

Мне понадобилось не меньше нескольких недель, чтобы переубедить его: я вела совершенно бесстыдную кампанию с использованием такого количества бифштексов с кровью, что ими можно было бы накормить троглодита, и бесконечного орального секса.

– В деревне мне будет спокойнее, Марк. Я стану другим человеком. Буду больше готовить. Стану меньше дергаться без всякого повода. Это именно то, что нужно малышу. То, что нужно нам всем.

И пока Марк продолжал бубнить что-то про пригороды, я занялась созиданием нашей новой жизни. Если уж согласилась сделать перерыв в карьере ради семьи, то заниматься этим надлежало с энтузиазмом. Еще будучи ребенком, я влюбилась в Девон[6 - Девон, или Девоншир – графство в Юго-Западной Англии.], и мне хватило оптимизма решить, что с течением времени Марк сможет перевести свой бизнес в Эксетер. Или, на худой конец, в Бристоль.

– Ты что, Софи, с ума сошла? Девон? Ты хоть представляешь себе, сколько времени мне придется добираться до офиса из Девона? Я буду навещать вас в уикенды.

А потом стали появляться проспекты – они вываливались из нашего почтового ящика, – в которых говорилось об амбарах под соломенной крышей и о «полях чудес» с гамаками и ламами. А еще о гольфе. Так что пока мой животик рос, Марк наконец сдался, и в этот момент и его, и мое внимание привлекла Тэдбери.

«Деревня года» – с церковью тринадцатого века, пабом, магазином и начальной школой, – Тэдбери предлагала в качестве редко встречающегося бонуса центральную площадь с шестью магнолиями, которые каждую весну в течение короткого промежутка времени осыпали розовым конфетти жителей города, выгуливающих своих собак по утрам и паркующих свои машины по вечерам.

«В деревне я буду счастлива. Я это знаю, Марк».

* * *

Как же эта фраза преследовала меня, пока я вертелась без сна и кувыркалась в кровати после нашей встречи с Эммой!

Вся эта скука и разочарование! Мой промах – к гадалке не ходи!

Я покинула Лондон, мечтая именно о такой жизни. И, тем не менее, в тот самый момент, когда покинула свой пост старшего копирайтера в большой рекламной корпорации, я... сами можете догадаться – я заскучала. А когда долгожданный ребенок заревел у меня на руках от приступа колита, мне пришла в голову мысль: «Что же я натворила?» Тоска по звукам большого города. По словам «осторожно, двери закрываются». Все это заставляло меня испытывать жуткое чувство вины, наблюдая за тем, как Марк мотается туда-обратно по автостраде.

Он попытался разделить со мной ответственность. И действительно, искренне старался перевести свой бизнес, но потерпел неудачу. Однако все-таки основной просчет – на моей совести.

Это мне не пришло в голову, что лиса станет есть моих цыплят, влажные дрова откажутся гореть, а дождевые тучи будут липнуть к пустошам, как мишура к рождественской елке. А тот факт, что младенец № 2 наотрез отказывался появляться, превращал перерыв в карьере в тоскливое и бесконечное страдание.

«Возвращайся на работу, Софи... Второго малыша ты не дождешься», – такие мысли посещали меня с частотой один раз в несколько месяцев, но каждый раз я забывала о них из-за этой очередной проклятой задержки. На одну многообещающую неделю. На две. И я начинала мечтать. Строить планы. А потом вечно наступало это вытягивающее все жилы разочарование...

– И... какая же она?

Я открыла глаза и увидела Марка, откинувшегося на спинку кровати.

– Кто «какая»? – На мгновение я запуталась; вчера вечером я не слышала, как возвратился мой муж.

– Ты что, не слушаешь меня, Софи?

И опять это чувство вины... Теперь – из-за мыслей о том, что случилось с подбородком Марка. Разве когда-то у него не было прекрасного подбородка? И куда всё подевалось?

Интересно, а другие жены тоже так делают? Смотрят на мужей после того, как прошло первое очарование, и думают: «Боже, неужели ты всегда так выглядел?»

– Прости. Прости. Я еще не совсем проснулась. Так ты о ком?

– О таинственной женщине, которую в пабе обсуждали все, кому не лень.

– В пабе?

– Ты уже спала, когда я вернулся.

– То есть ты пропустил кружечку?

– Три. – Он поцеловал меня в лоб, обдав при этом в качестве подтверждения своих слов жутким запахом застоялого перегара. – Но я заключил на этой неделе новый контракт, который позволит тебе продолжать эту волшебную жизнь. Так что это было, в некотором роде, празднование. Короче, там сидел Натан. И он весь вечер говорил о том, как вчера фургон для перевозки мебели врезался в стену Хизер, и о какой-то таинственной женщине, на которую он, очевидно, запал. Считает, что она – джазовая певица. Рассказал о том, что ты ее спасла, так что у меня четкие указания получить от тебя всю информацию до игры в гольф.

– Неужели ты опять собираешься играть в гольф с Натаном?

– А в чем, собственно, дело?.. Так что, она – человек известный?

Я вновь вспомнила наше вчерашнее общение и нахмурилась. Мы прекрасно провели время с Эммой, но нет, о музыке не было сказано ни слова. Более того, мы вообще не касались темы работы, что меня полностью устраивало.

– Я ее не узнала. И она ничего такого не говорила.

– Нет, ты определенно безнадежна. Я приготовлю кофе.

– Вообще-то, она женщина довольно специфическая. Обаятельная, но с явным налетом богемности, присущим жителям Тотнеса[7 - Тотнес – рыночный город в дельте Дарта в Девоншире, Англия. Является центром музыки, живописи, театра и альтернативной медицины; известен как место, где можно жить богемной жизнью.]. Она хотела погадать, что показалось мне довольно странным. Бабушка из Румынии, или что-то в этом роде. А в общем, она мне понравилась. Более того, может быть, именно ее не хватало этому местечку. Хотя для Натана она слишком хороша. Придется ее предупредить.

Услышав о Тотнесе, городишке, расположенном неподалеку и напоминающем странный портал в еще более странное прошлое, Марк сложил пальцы в шутливую «козу»[8 - Жест указательным пальцем и мизинцем – считается магическим знаком, защищающим от зла.].

– А он действительно уверен, что она – певица?

– Как я понял, на джазовой сцене. Работала с Джулсом Холландом[9 - Британский музыкант, композитор, телеведущий, лидер джаз-группы «Джулс Холланд и его ритм-н-блюз-оркестр».]. Хотя ты ведь музыкой не интересуешься.

– Интересуюсь.

– Нет, не интересуешься. И я на твоём месте не стал бы мешать Натану.

Я подняла брови.

– Понял. Кофе, – в ответ Марк поднял руки.

Он исчез на лестничной площадке и прикрыл за собой дверь, а я зажмурила глаза и услышала топот ножек Бена. За ними последовали звуки, напоминающие звук самолета, и хихиканье, означавшие, что Марк закружил нашего сына в воздухе. Именно так... И я улыбнулась, вспомнив, почему согласилась выйти за него замуж: «Папочка может приготовить завтрак. Папочка может изобразить

аэроплан. Папочка может...»

А потом Марк разбудил меня во второй раз (то ли через десять минут, то ли через час – я так и не поняла), появившись у кровати с подносом и с озадаченным лицом. Кофе с хорошей пенкой намекал на вынужденную борьбу с кофеваркой. Еще на подносе лежали газеты, небольшой букетик цветов и, что было совсем уж непонятно, пачка «Дарджилинга»[10 - «Дарджилинг» – сорт чая, выращенного в окрестностях одноименного города (северная горная часть Индии в Гималаях).]. Темно-зеленая коробка в традиционном стиле с золотыми буквами. Отличное качество. Правильный чайный лист.

– Цветы?

– И прежде, чем ты скажешь: «Ну что ты, это ни к чему...», скажу тебе, что это не я. Они лежали на пороге вместе с чаем. И что же это всё значит?

– Наша новая певица.

– А чай-то здесь при чем? – Марк соорудил гримасу, глядя на подарок, а я решила поинтриговать и, пожав плечами, якобы в недоумении, стала взбивать подушки.

* * *

Спустя час, приняв душ и одевшись, я спустилась вниз и услышала знакомый грохот из кладовки под лестницей – по-видимому, Марк искал свои клюшки для гольфа. Это было и удивительно, и совершенно бесполезно, потому что мешок с клюшками стоял в гараже. Я сама видела, как он перетащил их туда в прошлый уикенд, заметив, как бы между прочим, насколько удобнее будет «просто забросить их в багажник».

На грохот, сопровождавшийся проклятиями, я никак не отреагировала. Просто поставила букет в воду и тихо велела Бену: «Надевай ботиночки, милый».

– Черт! Да что же это такое! Я не могу найти свои клюшки! – раздался голос Марка из самой глубины чулана. После этого последовал особенно громкий грохот, послышался звон разбитого стекла, и наступило зловещее молчание.

Я быстренько надела на Бена его пальтишко и подтолкнула ребенка к двери.

– Посмотри в гараже, милый. Увидимся позже.

* * *

Прогулка до «Приората» получилась именно такой, как я и боялась, – абсолютно знакомой и в то же время совершенно чуждой. Хруст гальки под ногами, запах диких цветов, только что расцветших вдоль тропинки, мычание коровы возле зеленой изгороди, возмущенной тем, что ей помешали завтракать, – и вместе с этими знакомыми звуками и ароматами ясное осознание того, что не Кэролайн откроет нам большую конюшенную дверь, и сидеть мы будем не за ее кухонным столом со знакомыми пятнами и царапинами, за которым всего несколько месяцев назад ждали появления голубой полосы[11 - Имеется в виду голубая полоска в тесте на беременность.], – той самой, которая так и не появилась...

Приезд Эммы означал, что мне придется привыкать к «Приорату» в его новом облики несколько раньше, чем я этого ожидала. Так что я попыталась представить себе, как всё это будет выглядеть. Знакомое место. Незнакомые диваны.

– Мы что, увидим Кэролайн, мамочка? Она что, вернулась?

– Нет, Кэролайн переехала – помнишь, я тебе говорила? Сейчас мы увидим новую леди и ее сына Тео... Ты встречался с ним вчера. Они будут жить в доме Кэролайн.

На ступеньках я притормозила Бена, чтобы он не врезался в дверь. Кэролайн ее никогда не запирала.

– А почему мы звоним в звонок, мамочка? И где будет жить Кэролайн, когда вернется?

– Она не вернется. Ты что, забыл? Я же тебе говорила.

– Это потому, что ты назвала ее «тараканом»?

– Хватит, Бен.

На пороге меня ждал сюрприз – дверь нам открыла Хизер.

– Черт, это вы, Софи... Заходите быстрее. Эмма чертовски занята. – Она улыбнулась Бену и через столовую провела нас на кухню, где Эмма извлекала глиняные плитки и фарфор из нескольких больших картонных коробок.

Меня поразили их дружеские отношения – если вспомнить о новой дыре в стене дома Хизер.

– И что же, никаких пистолетов с утра пораньше? И никакой схватки в грязи?[12 – Софи имеет в виду женскую борьбу в жидкой грязи.] А я боялась, что вы будете общаться через адвокатов...

– Боже, нет, конечно. Эмма – просто чудо. Мы уже подписали все документы с фирмой по перевозке мебели. Слава богу, все было полностью застраховано. Здесь разбилось не так много, да и в доме у меня несущие конструкции вроде не пострадали... А кроме того, – тут Хизер повернулась к хозяйке и вытаращила глаза, – Эмма может предсказывать будущее.

– Я уже слышала об этом.

– Она погадала мне на чайниках и по руке. Это просто фан-та-сти-ка! У нее это получается так же здорово, как у того парня в Барбикане[13 – Один из районов Лондона.]. Послушай, Софи, надо, чтобы она тебе тоже погадала.

Я слегка расширила глаза, как будто хотела предостеречь ее.

– В общем-то, мы не собираемся задерживаться. Я пришла поблагодарить за цветы, Эмма, и предложить помощь. Как вы думаете, Тео согласится заглянуть к нам и поиграть? – Я понизила голос: – Если он не очень стесняется, то мы рады будем видеть его прямо сейчас. Это даст вам возможность закончить распаковывать вещи. Хотя если вы считаете, что мы слишком торопимся, то – не проблема. Просто эта мысль пришла мне в голову.

– Я не стесняюсь, но больше не хочу играть в поезда.

– Нет, нет, Тео, всё в порядке, – я подмигнула Эмме, вспомнив вчерашний спор мальчишек по поводу аварии на мосту. – У нас дома очень много других игрушек. Но решать тебе. Или ты, может быть, хочешь помочь мамочке с вещами?

Мальчики смотрели друг на друга так, будто между ними возник какой-то молчаливый заговор.

– У меня есть динозавры, – с надеждой в голосе произнес Бен.

– Человекоедящие?

Бен кивнул.

– Ладно. Если там есть ти-рексы[14 - Сокращенное название тираннозавра.], то я пойду.

– Класс. Тогда мы сможем поиграть в «Парк Юрского периода».

– Ты же не видел этого фильма, Бен.

– Нет, видел!

– Мы это с тобой уже обсуждали. Ничего он не видел, – заверила я Эмму и Хизер, подмигнув еще раз. – Это у нас больная тема.

Эмма взъерошила волосы Тео и рассмеялась, когда он вырвался у нее из рук, а потом включила чайник. Она настояла на том, чтобы мы сначала выпили чего-нибудь, а мальчиков отправили играть в футбол в сад.

– Не волнуйтесь, никакого чая. И никаких гаданий. Я приготовлю кофе, Софи. Так вы не будете чувствовать себя в затруднительном положении. Ведь Весы это ненавидят. – Эмма ухмыльнулась, когда заметила, что я посмотрела на Хизер.

– Не надо на меня так смотреть. Я ничего не говорила. Я вообще не знаю, когда у тебя день рождения, Софи. В «Фейсбуке» я не сижу... Я же говорила тебе, что она – высший класс!

Эмма меж тем вытерла руки и села за стол, ожидая, пока закипит чайник. И, очевидно, моей реакции.

– Простите, Софи, не буду вас интриговать, но готова поспорить, что вы – Весы. Это так?

Это было так. Двадцатое октября. Хотя, по непонятной мне причине, я совсем не собиралась подтверждать это.

– Я как раз собиралась спросить вас, Эмма. Так, чтобы быть уверенной, что я ничего не пропустила. Вы поете?

– Пою?

– Ну да. То есть для заработка...

Глава 3

В недалеком прошлом

Четыре дня спустя после описанных выше событий Эмма смотрела на раскинувшуюся у нее под ногами Тэдбери – и неожиданно кое-что поняла.

Накануне она выбирала в местном магазине почтовые открытки: романтические и нереальные виды деревни, всё – в слегка размытом фокусе и с таинственной дымкой. Тогда Эмма решила, что это «фотошоп».

Купила она целую пачку и сказала почтмейстеру, что использует их в качестве открыток для сообщения о своем новом адресе, но, придя домой, сразу же выбросила их в мусор: она никому не собиралась сообщать, куда переехала.

И что же теперь? Со своей наблюдательной позиции Эмма увидела, что в открытках не было никаких ухищрений фотографа. Далеко внизу утренняя дымка напознала на деревню в точности так, как это было на открытках, а чуть

выше ее края коровы равнодушно жевали свой завтрак, купаясь, как и сама Эмма, в ярких лучах солнца.

Ладно. Значит, это не трюк фотографа, а топографический казус. Эмма улыбнулась, понимая, что дымка надолго не задержится, и думая о своей бабушке, благодаря которой могла ее видеть. Бабушка Эппл[15 - В переводе с английского языка означает «яблоко».] была высокой и стройной женщиной, научившей Эмму подниматься ни свет ни заря для сбора грибов.

– Вот то, чего мы лишаемся из-за домов, Эмма, – много лет назад говорила она, когда они босиком шли по росе. – Дома дают людям ощущение бо?льшего комфорта внутри, чем снаружи. А теперь – посмотри вокруг. Только посмотри, насколько они неправы. И как много они теряют.

«Да, – подумала Эмма, – как много мы теряем».

– Это дым, мамуля?

Во Франции она носила Тео в небольшом рюкзаке на спине, но сейчас он уже перерос такой способ – тоненький настойчивый голосок теперь звучал рядом с ней. Сын что-то говорил. Иногда капризничал. Но никогда не замолкал.

– Нет, Тео. Это дымка.

– А она не злая?

Особенно он капризничал, когда она заставила его рано встать сегодня, но Эмма вспомнила один старый бабушкин способ.

– Когда вернемся, будем есть блины. Это станет нашей наградой.

– С кленовым сиропом?

Эмма проигнорировала его вопрос и на мгновение представила себе не сковородку на печке перед полуразрушенным бабушкиным домом на колесах, а блины, которые они ели во Франции. Женщины на рынке настолько искусно раскатывали громадные блины на больших горячих листах, что Тео вставал на

цыпочки, чтобы получше рассмотреть, как они это делают. По воздуху стелились ароматы карамелизированного сахара и горячего шоколада, так же как сейчас по нему стелилась дымка. Но воспоминания о Франции заставили ее внутренности сжаться в комок; так происходило всегда, когда Эмма начинала думать о своей матери или бабушке – женщинах, которые никогда не могли ужиться друг с другом. Ни в одной комнате. Ни в одном времени. Ни в одном сне.

– Так ты дашь мне кленовый сироп, мамуля?

Эмма притворилась, что не слышит сына. Она знала, что постепенно он перестанет задавать этот вопрос.

У нее перед глазами предстала картина кухни ее матери во Франции, с засыпанным осколками разбитой посуды и стекла полом, а в памяти зазвучал ее собственный голос, неконтролируемый и разгневанный.

«Кто это сделал, Тео? Опять ты? Ты немедленно должен признаться мамочке и бабуле, если это сделал ты...»

– Договорились, Тео, – Эмма вздернула подбородок. В Тэдбери ей надо вести себя с сыном осторожнее. – Блины с кленовым сиропом.

Гораздо осторожнее.

Понимая, что тропинка, скорее всего, уходит на мили вперед, она протянула ему свою раскрытую ладонь и собралась предложить добраться до дома, сидя у нее на закорках.

«Софи, вероятнее всего, поступила бы так же».

Эмма была довольна собой за это намерение, но Тео никак не отреагировал – наоборот, убрал свою руку. Она поняла, что его внимание привлекло что-то в живой изгороди, растущей в нескольких футах от них. Встав на одно колено, Тео медленно раздвинул высокую траву и протянул руку вперед с не характерными для него осторожностью и самообладанием.

Его лицо как раз смягчилось от предвкушения, и в этот момент дальше по тропинке раздался громкий лай. Они оба повернули головы и увидели большую собаку – она явно намеревалась присоединиться к ним и с головой кинулась в самую гущу кустов.

– Тео! – Эмма бросилась вперед.

Собака оказалась золотистым ретривером[16 - Охотничья порода собак, выведенная в Великобритании в XIX в. Золотистые ретриверы – очень добрые, умные, ласковые, игривые и спокойные собаки, хорошо уживаются с детьми.], но, несмотря на всю доброту, присущую этой породе, возбужденный пес вызывал опасение. Тео завопил от ужаса, и собака вылезла из кустов, прижалась всем телом к земле и завиляла хвостом. Во рту у нее явно что-то было.

– Он ее съел! Ой, мамочка, он ее съел! – Отчаяние Тео было ей непонятно, потому что Эмма не знала, что привлекло его внимание. Она попыталась успокоить сына, чтобы он мог сквозь всхлипывания объяснить ей, в чем дело, и тут прозвучал громкий и поначалу бесплотный голос:

– Белла! Белла! Ко мне, девочка. – Источник голоса находился дальше по тропинке.

Эмма обернулась и увидела Натана, мужчину, которого встретила в первый день на деревенской площади и который сейчас болтал одетыми в «веллингтоны»[17 - «Веллингтоны» – высокие кожаные (позже – резиновые) сапоги, названные так в честь герцога Веллингтона, который переобул в них английскую армию.] ногами, сидя на какой-то изгороди. Собака мгновенно подчинилась – сначала повернула голову, а потом бросилась по грязи к своему хозяину, продолжая вилять хвостом и оставив орущего Тео.

Эмма, низко наклонившаяся, чтобы обнять сына, увидела, как собака принесла в пасти Натану что-то, и он стал это очень внимательно изучать. На его сосредоточенном лице появилось удивленное выражение, и он стал шарить в своем кармане.

– Всё в порядке. Сидеть, Белла. Я сказал: сидеть. – Оставив собаку возле изгороди, он подошел к Эмме с сыном, очень осторожно укутывая находку в носовой платок. – Мне очень жаль. Обычно она только лает. Но посмотри, она

еще жива.

Наклонившись к Тео, Натан осторожно приоткрыл белоснежный платок и показал, к удивлению Эммы, маленькую дрожащую птичку.

– Честно говоря, мне удивительно, что она не умерла от шока, услышав весь этот лай. Но собака обучена брать поноски очень осторожно. Посмотри. Она совсем не повредила тельце.

Мужчина еще больше отодвинул платок и показал, как птаха молча открывает и закрывает клюв, словно пытается защебетать. На ее левом крыле было пятно темной крови, которое Натан поспешил закрыть от Тео, увидев, как тот вздрогнул.

– Честное слово, это не Белла. Кровь уже высохла. Наверное, птичка попала в переделку. Прости, малыш, я не помню, как тебя зовут...

– Тео. Это сокращенно от Теодор.

– Отлично. А я – Натан. Сокращенно от Натаниэль.

Мальчик никак не отреагировал на это, даже не улыбнулся – так что Эмма, изогнув бровь, произнесла одними губами у него над головой: «Он обожает птиц». Одновременно она попыталась салфеткой удалить следы страданий со щек сына.

– Прошу прощения за всю эту суматоху, но я рад, что могу наконец и в самом деле познакомиться с вами, Эмма. – Мужчина крепко пожал ей руку, твердо глядя прямо в глаза. – Я был на площади в тот день, когда вы приехали.

– Да, я помню. Софи мне все о вас рассказала.

– Неужели? – Последовала пауза, во время которой Натан так и не отвел свой немигающий взгляд, а потом он ухмыльнулся и опять повернулся к Тео: – Что ж, похоже, ты спас малиновку.

– Малиновку? А я думал, что они появляются на Рождество...

– Нет, не только. Они летают здесь весь год. И всегда защищают свою территорию. Так что драки между ними нередки.

– Так вы любитель птиц? – спросила Эмма, выпрямляясь.

– Нет, нет, – Натан стал отряхивать брюки. – Не я. Это мой приятель в пабе, Том. Он, кажется, знает о птицах всё. – Неожиданно лицо Натана просветлело: – Вот что я предлагаю, молодой человек. Почему бы нам не отнести птичку ко мне домой – я живу совсем рядом, – а потом мы позвоним Тому и выясним, что он думает по этому поводу.

Тео обернулся к матери, чтобы проверить ее реакцию.

– Мы же собирались домой, есть блины...

– Совершенно случайно я умею готовить отличные блины.

– Кроме шуток? – Эмма посмотрела Натану прямо в глаза, а потом перевела взгляд на часы. – Ну что ж, почему бы и нет...

Амбар находился в пятистах метрах дальше по тропинке и был примером одного из тех редких перестроенных зданий, которое не располагалось непосредственно напротив фермерского дома. Он стоял на собственном участке площадью в два акра, что обеспечивало ему неожиданную уединенность. Внутри амбар был полностью переделан – крутые ступеньки поднимались к роскошным двойным дверям из дуба, ведущим прямо в гостиную со свободной планировкой, которая также включала в себя кухню и столовую.

– Ого, – Тео рассматривал длинные половицы из полированного дерева. – А можно я сниму ботиночки?

– Нет, Тео, – Эмма заметила на низких столиках весьма дорогую на вид керамику. Пострадает в первую очередь, если он поскользнется в носках.

– Ну, пожалуйста...

– Я сказала – нет. – Это было произнесено с привычной решимостью.

Мать с сыном вместе разглядывали помещение, пока Натан искал место, куда можно было положить птичку, так чтобы Белла ее не учуяла, но в конце концов протянул сверток Эмме: «Вы не поддержите?» – и вывел собаку по лестнице на задний двор.

Через пару минут он появился с коробкой для обуви, в которую и предложил Эмме положить малиновку.

– Сейчас мы позвоним Тому. – Натан быстро вымыл руки, взял телефон и, пока набирал номер, прошел на кухню и открыл буфет. – А теперь перейдем к блинам... Прошу вас, почувствуйте себя как дома. Если ты готов простить Беллу, Тео, то она в саду. Она здорово обращается с поноской. Там, на лужайке, лежат несколько мячиков. Надо спуститься по ступенькам и пройти в большие двери. Честное слово, она очень дружелюбная. – Он повернулся к Эмме, неожиданно нахмурился и покраснел. – Хотя, если твоя мама нервничает... Уверяю вас, собака совершенно безопасна. Я знаю, что некоторые родители...

– Всё в порядке, если только я буду видеть их в окно.

Тео внимательно наблюдал за лицом матери и, когда та согласно кивнула, пожал плечами и направился к ступеням. Натан прижал телефон к плечу подбородком и заговорил с Томом, одновременно доставая ингредиенты для приготовления блинов, – к удивлению Эммы, он не стал заглядывать в рецепт, а уверенно отмерил муку и стал взбивать яйца.

Все это время он не прекращал своего разговора с Томом:

– Да, Белла здорово напугала беднягу. Я знаю, что они редко выживают, но малыш нашел пичугу и сейчас немного расстроен... Прости?.. Через полчаса – прекрасно. – Он бросил взгляд на большие настенные часы. – Я пока положил ее в обувную коробку... Хорошо. Тогда увидимся. Сегодня выпивка – за мой счет. Пока.

Когда он обернулся, Эмма внимательно изучала его. И дом, и мужчина ее здорово удивили. Комната выглядела проще, чем она ожидала: никакого темного дерева и кожи, зато много света и воздуха. Большие диваны кремового

цвета и несколько очень интересных картин в стиле «наив»[18 - Одно из направлений примитивизма XVIII–XXI веков; отличается простотой, ясностью и непосредственностью выражения.], висящих на беленых каменных стенах.

– Милое место.

– Спасибо. Хотя больше я никогда не буду делать свободную планировку. В тот момент мне понравилась сама идея, но устаешь жить с постоянными запахами кухни. – Натан улыбался, одной рукой взбивая масло, а другой возвращая телефон на место. Все это время он, сам того не замечая, не отрывал глаз от Эммы.

– Так вы, значит, любите готовить?

Натан опустил взгляд на свой торчащий животик и притворился удивленным, отчего Эмма рассмеялась в голос.

– А я вот слышал, что вы – что-то вроде ясновидящей. – Произнесено это было шутливым тоном. Он протянул руку и снял небольшую сковородку, висевшую на стойке для посуды над кухонной плитой.

– И где же вы об этом слышали?

– Мы с вами в Тэдбери, Эмма. Здесь нельзя пукнуть, чтобы об этом не появилась статья в местной газетенке.

Теперь Эмма подошла к окну, чтобы посмотреть, как Тео играет с собакой на лужайке.

– К сожалению, пение занимает почти все мое время...

– Туше. Хотя я мог бы возразить, что это недопонимание – не моя вина.

Натан объяснил, что эту ошибку, по словам Хизер, проследили до агента по торговле недвижимостью, который решил, что может поднять цены на жилье в округе, упавшие из-за «разрушительных слухов», пустив еще один слух о том, что в деревню переедут «звезды».

– В прошлом году это был лидер подростковой группы. А в этом году – джазовая певица... за которую все, как один, приняли вас. – Натан прекратил взбивать масло и проследил за взглядом Эммы. – Всё в порядке. Там ему ничто не угрожает. Кроме бензопилы, – добавил он и ухмыльнулся, когда она пристально посмотрела ему в лицо. – Так, значит, Софи обо мне говорила, и я полагаю, что вы уже все знаете о моем безнравственном прошлом? Вообще-то, она милая женщина. Мы с ней вместе заседаем в ярмарочном комитете. И мне Софи нравится. Жаль, что она меня не одобряет, – ее муж очень неплохо играет в гольф.

– Предупреждаю вас, Натан, она была очень мила со мной, очень доброжелательна, так что вам лучше воздержаться от грубостей.

Хозяин дома стал лить первую порцию жидкого теста на сковороду, которую одновременно поворачивал.

– Удивительно, но первый блин всегда получается комом. Интересно, почему? – Он внимательно наблюдал за шипящим тестом.

– Мы какое-то время жили во Франции, у моей матери. Вот там Тео и полюбил блины.

Натан ничего не ответил, полностью сосредоточившись на том, что делал. Выбросив первый блин в ведро, он, под внимательным взглядом Эммы, быстро и умело испек несколько идеальных по цвету блинов, которые выложил на тарелку с подогревом.

– Отлично. Все идет как надо.

– А вообще-то, Софи предупредила меня о вас. Она сказала, что вы были дважды женаты, но оба раза все закончилось абсолютным крахом, и что теперь вас сопровождает некая «репутация».

– Боже... – Натан опять улыбнулся. – Ну что ж, очаровательная Софи, возможно, права. Если бы много лет назад я встретил женщину, похожую на нее, то, честно говоря, сейчас был бы примерным семьянином. Но ведь она из тех женщин, которые видят жизнь только в черно-белом цвете, вы не согласны?

– Послушайте, я предупреждала вас, чтобы вы не были злокой.

– Ничего подобного. Мне она тоже нравится. Честно. Очень умна и с хорошим чувством юмора. Безжалостно разобралась с этим ярмарочным комитетом, за что получила мой голос. Я просто сказал, что у нее нет опыта жизни в оттенках серого, – теперь его лицо стало серьезным. – В то время как я... – Последовала пауза, Натан нахмурился. – Скажем так, оттенки серого всегда казались мне наиболее интересными.

Он следил за выражением ее лица, но на этот раз Эмма демонстративно повернулась к окну, так что Натан развернулся назад к плите.

– Именно поэтому мне пришлось научиться готовить. Ведь мужем я был совершенно ужасным. Если хотите, можете включить музыку. Там, возле камина. И пора звать вашего малыша на завтрак.

К этому моменту Эмма подошла вплотную к окну и увидела, что Тео наслаждается властью над собакой, которую ему удалось получить, – он поочередно заставлял ее то садиться, то приносить поноску, а когда она ошибалась, преувеличенно сурово грозил ей пальцем. Когда Эмма увидела эту картину, глубоко внутри у нее возникло чувство знакомого нетерпения.

Глядя на свое отражение в стекле, она увидела, что это написано у нее на лице, поэтому специально ослабила лицевые мышцы и смягчила губы. По правде говоря, ей очень хотелось, чтобы в Тэдбери все устроилось, но после того, что случилось в Манчестере и во Франции, она понимала, что ей надо быть осторожной.

И немного притормозить.

– Я очень рада, что натолкнулась на вас сегодня утром, Натан. – Эмма неожиданно повернулась и намеренно широко раскрыла глаза. – Да. Очень рада.

В недалеком прошлом

ВЕСЫ

Сегодня вам лучше оставить все как есть. Избегайте сложных ситуаций. Будьте решительны, благоразумны и – самое главное – поменьше волнуйтесь.

Практикуйтесь в искусстве пофигизма. В этом – ваше решение.

– Ты точно не хочешь, чтобы я поехал с тобой? Я могу перенести встречу. – Голос Марка вернул меня к действительности.

– Прости?

– Я говорю о твоём randevu. Может быть, мне поехать с тобой?

– Нет, нет, Марк. – Я сложила газету и почувствовала, как краснею от смущения. Я никогда не читала свой гороскоп...

– Это не просто слова?

– Не просто. Честное слово. – По крайней мере, я не делала этого раньше.

Отодвинув газету в сторону, я налила нам кофе.

– А как же Бен? Он не будет тебе мешать? Эти его маленькие ушки?

– Всё в порядке. Эмма предложила взять его. – Я почувствовала, что мысленно улыбаюсь. – Они прекрасно ладят с Тео. Жаль, что наш немного старше и они не пойдут в школу вместе. Я вообще хочу пригласить Эмму к нам на обед. Она тебе понравится. И ещё я хочу представить её кое-кому. Это поможет ей устроиться. Ты ведь знаешь, какими могут быть здешние жители...

– Ну, конечно. Как скажешь. Может быть, пригласим и Натана – он здорово на нее запал. Ты позвонишь мне после встречи? – Закрыв свой портфель, Марк с прихлебыванием допил свой кофе, стараясь скрыть от меня, что смотрит на часы на стене напротив. Обычное утро понедельника. Он притворяется, что ему некуда спешить, а я притворяюсь, что мне все равно.

– Со мной всё в порядке. А ты езжай, а то попадешь в пробки. Правда, всё в порядке. – Всё это неправда.

«Поменьше волнуйтесь».

Я через силу улыбнулась, когда он чмокнул меня в макушку, и сидела неподвижно, пока он не вышел из кухни. Прислушиваясь к знакомым звукам, ощутила биение пульса где-то на шее. Хлопок крышки багажника, звук заведенного мотора, шуршание шин по гравию, пауза, пока он ждет просвета в потоке, чтобы выехать на дорогу. И наконец – тишина.

Иногда я могу долго сидеть, наслаждаясь тишиной после его отъезда. Только я и дом – Бен играет наверху в своей комнате. Я помню те давние кошмарные времена, когда сидела не просто неподвижно, а как под наркозом, глядя на Бена, кроху в сине-желтом комбинезоне, пристегнутую к автомобильной переноске. И ждала.

Компания «Велкро»[19 - Известная компания по производству детских автомобильных кресел.] приделала к перекладине сиденья набор пластмассовых ключей и разноцветного паука из махрового полотенца. Каждая пара ног у него была другого цвета. Синяя. Красная. Желтая. Зеленая. Бен играл с ними, пока ждал, и делал это с большим терпением, чем я того заслуживала.

«Чего ты ждешь?» – думала я, глядя на ребенка.

Чего ты ждешь?

Я сложила руки, как в молитве, и наконец разомкнула губы:

– Бен, детка, бери свой рюкзак. Мы идем к Тео.

* * *

«С технической точки зрения, – думала я, сидя в приемной и глядя на любительские рисунки на противоположной стене, которые предлагали для продажи, – я хожу не к тому врачу».

Тэдбери, расположенная на пути между Модбери и Эйвтон-Гиффордом, должна относиться к консультации в Модбери, но, когда мы только переехали, я в этом не разбиралась и зарегистрировалась в другой клинике – в нескольких милях от нас. Никто меня не остановил, и теперь я была благодарна судьбе за эту ошибку, потому что мне вовсе не хотелось, чтобы вся деревня знала о моих проблемах. Обо всех этих встречах.

Сегодня на стенах висела дюжина, или около того, картин, и некоторые из них были на удивление хороши. Акварель лодки – просто прелесть. Шестьдесят фунтов! Но рамка – просто кошмар. Я как раз думала, стоит ли ее менять, и мысленно бродила по дому, размышляя, на какую стену можно было бы повесить картину, когда раздался сигнал, сообщивший о том, что на табло появилась новая запись. Мое имя красными буквами: «Доктор Элдер, кабинет № 4».

– Итак...

Я села и начала водить пальцем по колену в том месте, где коричневая стрелка брюк полностью разгладилась. Внезапно представила себе Эмму в ее черно-серебряном одеянии и непроизвольно посмотрела на свою обувь без задников и ненакрашенные ногти на ногах.

Доктор Элдер – хорошая. Она мне нравится. Одна из двух женщин-врачей, работающих в этой консультации. Иногда мне приходится ждать больше недели, чтобы попасть на прием именно к ней, но с мужчиной я разговаривать не смогла бы. Особенно на такие темы. Доктору Элдер – около сорока, и с фотографии в кожаной рамке бордового цвета, которая стоит у нее на столе, мне улыбаются четыре ребенка: две девочки, рыжеватые блондинки, и близнецы-мальчишки, помладше девочек и с усыпанными веснушками лицами – возле носа и на щеках.

Я не могу понять, как при этом она умудряется работать. Няня? Помощница по хозяйству? Может быть, мне тоже следовало вернуться на работу, а не ждать, пока, как по заказу, появится второй?

Доктор Элдер нахмурилась, глядя попеременно то в мою карту, то на монитор компьютера. В ушах у меня слышны удары сердца.

– Что ж, хорошие новости: у вас всё в порядке, – раздалось наконец. Повернувшись ко мне, она улыбнулась. – Анализ крови подтверждает, что ваша овуляция абсолютно нормальна. Как я вижу, в прошлый раз мы говорили об анализах вашего мужа. С ними – тоже всё в порядке.

Почувствовав, как мои плечи слегка приподнимаются, я кивнула. Честно говоря, я очень хотела бы продемонстрировать то облегчение, на которое явно рассчитывала доктор Элдер, но не смогла себя пересилить. Всё дело в том, что я уже знаю, что у меня «нормальная овуляция», – ведь я потратила на анализы стоимость малолитражного автомо-биля.

– Тогда почему же ничего не происходит?

Наступило время доктора сжать губы:

– Но мы же говорили с вами об этом в прошлый раз. Иногда это просто невозможно объяснить. – Она посмотрела на фотографию на столе. – Иногда они заставляют нас ждать.

Я тоже еще раз глянула на фото. Начинается осторожная промывка мозгов: в ее случае никто никого не ждал.

– Но Беном я забеременела очень быстро.

– И это случилось?.. – Доктор снова посмотрела в свои записи.

– Два года и четыре месяца назад. – Я мгновенно пожалела о том, что ответила так быстро; глаза начало щипать от слез.

– А вы говорили с мужем о тех вариантах, которые мы с вами обсуждали в прошлый раз?

– Да. – Ложь. – Он считает, что мы всё-таки должны еще подождать. – Я не объясняю причину.

– Вижу, что для вас это очень тяжело, Софи. Но в данном случае ваш муж совершенно прав. Вы еще молоды. Знаю, что говорить всегда проще, чем делать, но я могу посоветовать вам расслабиться. Съездить куда-нибудь. Отвлечься от всего. Постарайтесь не заикливаться на этом. – Она опять глянула на экран. – Напомните мне, вы сейчас работаете?

– В настоящий момент – нет. – Я почувствовала, как в горле начало першить. И вновь ощутила, как глаза щиплет от слез. – Я планировала вернуться на работу после рождения второго.

– Понимаете, Софи, ничто не говорит о том, что история повторится дважды. Мы будем наблюдать...

– Я не боюсь.

– Послушайте, почему бы вам еще не подождать? – На ее губах появилась добрая улыбка. – Например, пару месяцев. И если ничего положительного не произойдет, то я хотела бы встретиться с вами и вашим мужем. Мы сможем обсудить все возможные варианты, чтобы вы оба понимали, в чем будет заключаться лечение.

– Хорошо. Согласна.

– Чем я еще могу помочь вам сегодня?

...И только позже, возвращаясь домой на автопилоте и не помня, как проехала первую половину пути, я поняла, что не попрощалась с доктором Элдер. И не поблагодарила ее. Это напомнило мне о том, как ребенком я ходила в церковь и иногда в конце молитвы не могла вспомнить, как произносила ее начало.

«Я уже это сказала? Или это было в прошлое воскресенье? Или воскресенье за неделю до него?»

На пороге «Приората» горло продолжало першить, так что было неудивительно – хотя от этого не менее неловко, – что дамбу прорвало сразу после невинного вопроса Эммы:

– Софи, всё в порядке?

Потоком хлынули беззвучные злые слезы. Я пыталась остановить их, крепко сжав ладонями лицо, а тело само повернулось в сторону окна, выходявшего в сад. Я была в полном ужасе.

А потом, прежде чем Эмма смогла на это как-то среагировать, мое унижение довершил Бен, неожиданно появившийся на пороге.

– Мама, мамочка, что с тобой? Что случилось?

Я была в ступоре. Глаза Бена вылезли из орбит. И в этот момент Эмма бросилась ко мне и схватила меня за левую руку.

– Мамочка посадила занозу, Бен. У въездных ворот. Мне придется достать ее. У тебя когда-нибудь была заноза?

– Да, я посадил ее на горке в парке.

– Тогда ты знаешь, что это очень больно. И мамочке надо быть очень храброй.

– Ты будешь вытаскивать ее горячей иглой?

– Боюсь, что придется.

На его лице появилось выражение отвращения. Крепко прижав руки по швам и сжав кулачки до белых косточек, мой сын исчез из комнаты.

Тщетно поискав салфетки в карманах, я в конце концов взяла одну из пачки, которую протянула Эмма.

– Боже... прошу прощения...

– Не говори глупостей. – Эмма обняла меня за плечи и подвела к стулу возле стола. – Вот так. Садись. Сейчас ты выпьешь крепкий кофе.

Я громко высморкалась.

– Спасибо. Здорово ты догадалась – я имею в виду Бена.

Эмма занялась приготовлением кофе, а я стала придумывать правдоподобную легенду. Но не успела первая идея полностью сформироваться у меня в голове, как Эмма уселась за стол и посмотрела на меня такими необычными и пронзительными глазами (зеленые и коричневые точки были сейчас особенно заметны), что я мгновенно выложила ей всю правду, словно губы устали скрывать ее.

О вечном ожидании. О постоянных фальстартах. О том дне, когда я сидела в этой самой кухне с Кэролайн и у меня была задержка на две недели. Я была тогда так уверена... Позволила себе даже поволноваться. Но ничего не произошло. Как всегда, в конце этот чертов тест ничего не показал. И о страхе, что это как-то связано с жутким временем после рождения Бена. С депрессией. С после... родовой... депрессией. С тем долгим и мрачным временем до того, как ее наконец диагностировали, когда я жила изо дня в день, как зомби. Не одевалась. Не мылась. Марк не знал, что ему делать. Бен сидел в переноске. Недоумевал. Ждал...

– Прости меня, Эмма. Обычно я себя так не веду. Это какой-то спонтанный приступ. Послушай, мне пора. – С этими словами я встала.

– Ты никуда не пойдешь. Сядь на место и дыши глубже. Я серьезно. Вдох – выдох, очень глубокие, пока не успокоишься.

Что ж, мне пришлось подчиниться. Вдох. Выдох. Я делала так, как она мне сказала. Вдох... Выдох... И, прежде чем смогла сообразить, что происходит, я выдала ей всё. Как врала врачу. Как Марк наотрез отказывался даже думать о лечении от бесплодия, поскольку боялся, что у нас могут родиться близнецы, – а если послеродовая депрессия вернется, то это будет перебор и для него, и для меня. Хотя я, будучи единственным ребенком в семье, отчаянно хотела, чтобы у Бена появился братик или сестренка.

– Знаешь, Эмма, умом я понимаю, что на Бене можно остановиться. Взять тебя и Тео. Вместе вы – совершенно классные. А у некоторых людей вообще нет детей, – я говорила все быстрее и быстрее, – и какая-то часть меня стыдится того, что это стало для меня идеей фикс. Но неужели это так плохо, что я хочу еще одного ребенка? Неужели это так страшно?

Эмма промолчала.

– Я сегодня утром даже прочитала свой чертов гороскоп. Ты можешь в это поверить? Полный отстой...

– Послушай... Что касается этих гаданий, Софи, всех этих знаков Зодиака... Не стоило мне тогда этого говорить. Я хочу сказать, что это просто развлечение. И я никогда не гадала бы всерьез, особенно если дело касается важных вещей...

– Нет, нет, я ничего такого не имела в виду. – Я склонила голову и спрятала лицо в ладони. – Боже, Эмма. Я ведь практически...

Теперь мы обе рассмеялись, и Эмма вновь протянула мне упаковку с салфетками.

– Послушай, я тебе слово даю, что не всегда была такой идиоткой. – Я еще раз высморкалась. – Это всё деревенская жизнь... Я медленно схожу с ума.

– Так ты не работаешь с момента рождения Бена? Вообще не работаешь?

– Я занималась рекламой, – я покачала головой. – В этом бизнесе нет понятия частичной занятости. Мы планировали перевести сюда компанию Марка, после того как вся семья будет в сборе.

– А о няне ты никогда не задумывалась?

Я содрогнулась. Перед глазами появилась я сама в возрасте восьми лет, держащая за руку помощницу по хозяйству, и моя мать, занятая поисками ключей от машины. Гора багажа в холле. Обычный быстрый поцелуй на прощание, запах духов, наполняющий помещение, – как обещание будущих открыток. Эти вечные открытки...

Почему матерям приходится принимать такие тяжелые решения? Работать? Не работать? Черное. Белое.

– Нет, о няне я никогда не думала. В любом случае это был мой выбор – и моя ошибка. То, что мы переехали сюда. То, что я прервала работу. И я, в принципе, не жалею об этом – из-за Бена. Я его просто обожаю. Конечно, обожаю. Я просто не предполагала, что все будет так тяжело.

Я ждала реакции Эммы, но ее лицо ничего не выражало.

– Прости, я поставила нас обоих в затруднительное положение, – закончила я, вставая. – Доктор права. Я совершенно сдвинулась на почве беременности. Она все талдычит о поездке куда-нибудь. Считает, что я должна отвлечься.

И в этот момент лицо Эммы изменилось. На мгновение она отвернулась к окну, а потом посмотрела на меня с полуулыбкой, как будто ей в голову пришла отличная мысль. Затем подбежала к комоду и стала переворачивать содержимое ящиков.

– Слушай, сама скажешь, если решишь, что идея ужасна... – Она перешла уже ко второму ящику, просматривая различные бумаги. Внезапно: – Ага, вот они где! – Вернулась к столу с пачкой вырезок, которую положила передо мной. Все они были вырезаны из газет и воскресных приложений. – Я уже сказала, что можешь забыть про политес. Я на тебя не давлю, но я планировала посвятить этому бо?льшую часть лета, перед тем как Тео пойдет в детский сад. Я хочу, чтобы он всё это увидел. Вот, посмотри. – Эмма пододвинула ко мне статью об отеле на острове Бург[20 - Уникальный спа-отель на острове Бург был излюбленным местом отдыха и лечения лондонского бомонда.]. – Я просто обязана увидеть это место. Ар-деко[21 - Ар-деко – влиятельное течение в изобразительном и декоративном искусстве первой половины XX в.; эклектичный стиль, представляющий собой синтез модернизма и неоклассицизма.]. Или вот – замок Дрого[22 - Загородный дом в графстве Девон. Замок поднимается из скалы высотой 61 м, возвышающейся над рекой Тейн. Последний по времени замок, построенный в Англии.]. А дом Агаты Кристи – теперь он принадлежит Национальному фонду... Знаешь, ты совсем не обязана на это соглашаться. – Теперь она говорила всё быстрее и быстрее. – Не все любят архитектуру. И мы с Тео прекрасно чувствуем себя вдвоем. Честно говоря, я даже немного беспокоюсь о нем. Он, как ты говоришь, одиночка. Но если ты согласишься к нам присоединиться... прихватив с собой Бена... Я хочу сказать, что это и тебе

поможет, как некое «отвлечение», – ты забудешь обо всем этом аж на целое лето. Ну и мы... мы будем очень рады.

Я посмотрела на все эти вырезки, разбросанные по столу, а потом подняла глаза на Эмму. У нее были широко открытые и полные надежды глаза. В этот момент в дверях появился Бен. Косточки на его прижатых к бедрам кулачках все еще были белыми.

– Все хорошо, мамочка? Занозу вытащили?

– Да, милый. Подойди ко мне. Эмма меня спасла.

Я протянула руку и прижала к себе Бена, а сама в этот момент беззвучно поблагодарила Эмму. Меня удивило, насколько лучше я себя чувствовала. Облегчение сопровождалось некоторым онемением всего тела, которое всегда появляется после длительных рыданий. Я не забыла вовремя сжать свою «раненую» руку и увидела, как плечи сына расслабились.

Так же как и мои.

Сегодня, 17.17

«Какого черта?»

Поезд останавливается. Визжат тормоза.

Когда мы окончательно замираем, я смотрю вдоль вагона. Пассажиры вертят головами во все стороны, пытаюсь выглянуть в окна.

– Почему мы остановились? – Понимаю, что вопрос дурацкий, но меня это мало волнует. Мы находимся между двумя станциями – от последней отъехали минут десять назад. В этом нет никакого смысла...

Все в недоумении пожимают плечами. Пассажиры, сидящие возле окон, продолжают выворачивать шеи, но никто не может рассмотреть голову состава.

– Мы не можем остановиться. Seriously, мы не можем вот так просто взять и остановиться... – Я так сильно сжимаю кулаки, что ногти впиваются в ладони. Несколько пассажиров поглядывают друг на друга, и по выражению их лиц понятно, что они обеспокоены этой внезапной остановкой не меньше меня.

Мне же на все плевать – я киплю от ярости и беспокойства. Новости, поступающие из больницы, всё еще ставят меня в тупик. Сотрудники никак не могут определить, кто есть кто из двух мальчиков. Во время последнего разговора мне в голову неожиданно приходит мысль о том, что я могу послать им фото, если еще раз одолжу телефон у той женщины... Но уже слишком поздно. Обоих детей увозят в операционную. А это значит, что мы не знаем, кому удалят селезенку, кто из них находится в бо?льшей опасности...

Наконец в динамике раздается треск, а вслед за ним – чуть слышный мужской голос. Кто это – машинист? Проводник? Одному богу известно...

– Дамы и господа, мне очень жаль, но у нас с вами – непредвиденная задержка. Нам сигналият о какой-то проблеме на маршруте. Мы ждем дополнительной информации, и я свяжусь с вами сразу же, как только мы ее получим.

Гляжу на часы. Осталось, по крайней мере, два часа пути.

Еще раз выглянув из окна, я смотрю сначала направо, потом налево, пытаюсь понять, где, черт возьми, мы находимся.

Прямо посреди неизвестно чего, вот где. Корова, стоящая в поле, повернулась в мою сторону и смотрит мне в глаза, как будто хочет подтвердить эту догадку.

Суррей? Сомерсет? Бог его знает...

Я достаю свой странный телефон и прохожу в короткий тамбур, соединяющий два вагона. Набираю номер, данный мне сержантом полиции. Автоматические двери, которые постоянно хотят открыться, выводят меня из себя, и мне приходится отойти, чтобы они остановились. Наконец на звонок отвечают, но это совсем другой офицер. Боже... Я трачу драгоценное время, чтобы всё ему объяснить. Объяснить, кто я такая.

Постепенно этот парень начинает понимать. Он говорит, что в больнице меня будет ждать новая информация. Если есть необходимость, они могут прислать патрульную машину на станцию. К приходу моего поезда. Хотя обычно там масса такси...

– Нет, нет. Проблема в другом. Я вам поэтому и звоню. Мой поезд остановился. Застрел посреди неизвестно чего. И я не знаю почему...

– Мне очень жаль. – И после паузы: – Боже. Как некстати. Это для вас дополнительный стресс...

– Но вы же можете что-то сделать?

Еще одна пауза.

– Я вас не совсем понял. Что именно вы хотите? Как, по-вашему, мы можем вам помочь?

– Ну, я не знаю... – Делаю шаг, и двери вновь начинают работать. Неожиданно мне почему-то приходит в голову слово «вертолет».

– Вертолет. Вы можете прислать вертолет? К поезду. Чтобы он отвез меня в больницу. Ведь у полиции есть вертолеты, правда? – Смотрю из окна на поле рядом с поездом. Коровы. Я уже представляю себе, как разгоняю коров, чтобы вертолет мог приземлиться...

– Вертолет? – Услышав тон, которым это произнесено, я опять готова заплакать. Знаю, что всё это звучит глупо, но мне наплевать... Наплевать на то, что обо мне подумают.

– Мне очень жаль, но это не тот ресурс, который мы можем задействовать в данной ситуации. Однако если поезд задерживается, то, возможно, мы сможем выслать патрульную машину ему навстречу. Где именно вы находитесь?

– Не знаю. Они не говорят нам, что произошло.

Полицейский просит меня перезвонить и сообщить дополнительную информацию, как только та будет мне известна, чтобы они могли принять решение.

И опять я спрашиваю его, что им известно об аварии. Что конкретно произошло с моим Беном? С обоими мальчиками?

Теперь пауза длится гораздо дольше, и это окончательно выводит меня из себя. В отчаянии я требую, чтобы меня соединили с детективом-инспектором Мелани Сандерс. Я говорю ему, что ей будет интересно услышать обо мне.

«Ради всего святого, он что, не знает о том, что произошло в Тэдбери летом? И о моей роли во всём этом?»

Опускаю глаза на свои руки и стараюсь сдержать панику, охватывающую меня, когда я вспоминаю ту сцену. Кровь. Нож...

Я почти в истерике, но меня опять пытаются запутать. Он говорит мне, что на сегодняшний день самым важным было довести мальчиков до больницы и начать лечение. Они пытаются разобраться в том, что произошло, но инспектор Сандерс сейчас занята. Когда я сама появлюсь в больнице, то узнаю больше.

– Но я застряла в этом гребаном поезде. А знать мне необходимо сейчас...

В ответ я слышу новый набор банальностей.

– Послушайте, вы не должны подпускать ее к мальчикам.

– Не понял?

– Эмму Картер, – я понижаю голос. – Она тоже участница этой аварии. Кажется, ей тоже делают операцию. Но точно я не знаю. Конфиденциальность и всё такое... Они мне не говорят. Но вы должны держать ее подальше от мальчиков. От обоих мальчиков. И особенно от моего сына. Я настаиваю, чтобы вы не подпускали ее к Бену. Вы меня поняли? Я хочу, чтобы вы это записали.

Теперь его тон резко меняется. Следует серия вопросов, на которые я не могу ответить. Чувствую, он думает, что я в истерике и даже немного сдвинулась. Напоминает мне, что сын Эммы Картер тоже пострадал. Мол, они надеются, что, когда придет в сознание, она сможет опознать мальчиков...

– Нет, нет. В этом-то все дело. Этого нельзя делать. Ее нельзя к ним подпускать...

Теперь он говорит, что хорошо понимает, насколько я сейчас расстроена и взволнована, и что он обязательно попросит офицера-дознателя перезвонить мне, как только появится что-то новое. Он запишет то, что я сообщила. В больнице меня будет ждать подробная информация.

– Так, значит, вы не офицер-дознатель?

– Нет.

– Тогда пошли вы в задницу. Какого черта вы не... Отвалите.

Я разъединяюсь и вновь набираю номер больницы. Давай же. Давай. Занято.

Звоню Хизер. Попадаю на голосовую почту.

И тогда я слетаю с катушек. Открыв окно, тянусь к дверной ручке. Заперто. Картина вновь встает у меня перед глазами, когда я смотрю на свою руку: алый цвет и ощущение густой, теплой крови на пальцах. Этот взгляд ее глаз. Нож...

Я ощущаю порыв ветра. Дождь. Подтащив чемодан поближе к двери, становлюсь на него. Это будет непросто.

«Батюшки мои! Вы только посмотрите на эту женщину! Она лезет через окно».

Я решаю, что падение на траву будет не таким страшным, как кажется... На третий раз у меня получается.

Я схожу с поезда.

Глава 5

В недалеком прошлом

– Ну, и что на тебя нашло? – обратилась я к собственному мужу, стоя на кухне, заполненной остатками званого обеда.

Обычно я люблю это время – после того, как прием закончился. Люблю это ощущение свободы и облегчения, наступающее после проводов последнего гостя, когда можно отправиться на кухню, с головой, слегка шумящей от выпитого. Ты довольна и свободна, все еще способна реагировать на дружеские подшучивания мужа и счастлива от того, что решилась всё это организовать.

– Послушай, Софи, мне правда очень жаль. Эта чертова простуда...

Прищурившись, я посмотрела на него.

– Я же извинился перед твоими гостями. Я правда очень старался.

– Если это называется «стараться», то да поможет нам Бог. И прости, что мне показалось, будто это были наши гости. Знаешь, в нашем доме...

Посудомоечная машина была уже полна, так что я стала выставлять бокалы и стаканы в одну линию, отвернувшись от него.

– Может быть, отложим на утро? – Марк сыпал в кружку содержимое пакетика «Лемонсип»[23 - Популярный в Англии противопростудный препарат.].

– Ты сейчас о чем – о ссоре или о мытье посуды? И еще рано пить новую порцию. Ты уже выпил одну во время обеда.

– Это было давным-давно.

– Марк, у тебя что, какие-то проблемы на работе? Что-то, о чем ты мне не говоришь?

– С чего ты взяла про работу? У меня – простуда. И точка.

Я взглянула на кухонные часы. Половина двенадцатого. Сложно назвать этот вечер триумфальным.

Сегодня я пригласила две пары, чтобы они могли встретиться с Эммой. Милые люди. Джил Хартли, работница городского совета, ее муж-писатель, Энтони, и местные учителя Брайан и Луиза Пэкхэм. Хартли обычно засиживаются допоздна (иногда они уходят в два часа ночи), но сегодня меня совсем не удивило то, что даже они решили закругиться пораньше. В какой-то момент Марк исчез, чтобы принять свой «Лемонсип», да так надолго, что я испугалась, не улегся ли он в постель.

– Прекрасный вечер. Ты здорово все приготовила, Софи, как, впрочем, и всегда. Еда просто превосходна.

– А мой муж решил превратиться в Гудини[24 - Гарри Гудини (наст. Э

рик Вайс, 1874–1926) – известный американский фокусник начала XX в. Софи намекает на его знаменитый фокус с таинственным исчезновением из закрытого ящика.]....

– Ну, неправда, все было не так уж плохо. Не нагнетай. Дай мне прийти в себя, неделя действительно была кошмарная. Похоже, что это не простуда, а грипп, – и я не хотел, чтобы вся комната провоняла лимоном, вот и выпил лекарство в кабинете. В любом случае я даже в лучшие времена с трудом переношу Энтони Хартли и его поэзию.

– А мне казалось, что Хартли тебе нравятся.

– Нравятся, но я скорее съем собственного ребенка, чем он заработает хотя бы фартинг своими опусами. Это меня здорово напрягает.

Марк размешал свой напиток, а потом бросил ложечку в раковину. Я почувствовала, как он подошел сзади и положил руки мне на талию, а я стояла, напряженная и злая, выглядя совершенно по-дурацки в своих желтых резиновых перчатках.

– И не пытайся меня обнять. Мне твои вирусы не нужны.

– Послушай, милая, мне действительно очень жаль. Ты абсолютно права. Я – сам не свой. Просто мы выбрали неудачное время. Званный обед после тяжелой недели... Но я не хотел, чтобы ты его отменяла. В следующий раз я реабилитируюсь.

– Если этот следующий раз когда-нибудь наступит. Сейчас мне кажется, что после всего случившегося все будут держаться от тебя подальше.

– Да ладно. Я не был настолько ужасен.

– Нет, был, Марк. Боже, я ведь организовала этот вечер для того, чтобы помочь Эмме устроиться... Помочь ей встретить новых людей, а не приставать к ней с расспросами по поводу ее биографии... Ну какое имеет значение, что она делала или где работала до того, как переехала сюда? Какого черта ты всё никак не мог успокоиться...

Марк воздержался от ответа.

– Она тебе не нравится, правда? – Я повернулась к нему, чтобы проследить за его реакцией. Он пожал плечами. По его глазам было видно, что я попала в точку.

– Нет, подожди. Не держи это в себе. Что с ней не так?

– Ну, я не знаю... Мне показалось, что она немного...

– Что «немного»?

– Да ничего. Просто у нее плохая аура.

– Аура? Что значит «аура»?

– Ничего. Проехали. Это все из-за простуды.

– Скорее это все из-за Тэдбери. Стоит здесь появиться чему-то новому и интересному, как начинаются разговоры о какой-то ауре. Об этом же можно посплетничать. За нее можно унижить. А еще можно сравнить это с Лондоном, и обязательно в его пользу, – и всё это тогда, когда я изо всех сил стараюсь здесь освоиться.

– Послушай, это просто смешно...

– А что еще могло тебя так вывести из себя? Может быть, ты надулся, потому что я не отложила обед, хотя Натан – твой драгоценный приятель – не смог к нам прийти? Может быть, именно в этом главная причина? Хотя Натан, с его послужным списком, – последнее, что нужно сейчас Эмме...

– А ты от этого прямо тащишься, да? Когда вмешиваешься в жизнь других людей. Перебираешь своих подружек и решаешь, на кого из них Натану можно позволить обратить внимание...

Я смотрела в пол.

– Послушай, мне жаль, что тебе не нравится Натан, а вот Энтони Хартли не нравится мне. Возможно, если задуматься, я просто наелся этой креативной чуши насчет жизни в деревне, когда бездельники ждут, что на них снизойдет вдохновение нарисовать горшок, а в ожидании этого момента несут всякую хрень, которую называют поэзией, и все это – когда некоторым приходится гнуть хребет, чтобы заработать на жизнь, мотаясь туда-сюда по гребаному шоссе.

В этот момент я вздрогнула. Очевидно, что сейчас уикенды – это полный кошмар, но ведь так не должно продолжаться вечно. Уже давным-давно мы решили, что забудем о географии, пока у нас не появится второй ребенок. И ведь Марк сам решил не переводить свою компанию...

– Прости. Про шоссе было лишнее. И я не имел в виду тебя, когда говорил о бездельниках, Софи. Я имел в виду Энтони, а теперь и эту Эмму. Послушай,

прошу тебя, давай закончим, пожалуйста. Я действительно хреново себя чувствую, вот и всё. Совсем измотался. И я обещаю, что еще раз извинюсь перед твоими друзьями.

– Не похоже, чтобы у тебя действительно была простуда.

«Опять “твои друзья”».

Я вспомнила Джил и Энтони и их розовый коттедж возле церкви с двумя комнатами наверху и двумя внизу. Лишних денег у них никогда не было, но они часто и щедро принимали нас с тех самых пор, как мы перебрались в Тэдбери. С хорошим вином. Хорошей едой. С интересными людьми, с разговорами о книгах и об искусстве, что я люблю больше всего на свете. Да и сегодня они старались поддержать Эмму, и Энтони завел с ней серьезный разговор об экзистенциализме, о правилах и о бунтарях, их нарушающих.

Но тут я нажала на паузу, чтобы посмотреть на лицо мужа, которое выглядело необычно красным с каплями пота на лбу и шее. И почувствовала себя виноватой, поняв, что надо было отложить обед до того момента, когда Натан смог бы на него прийти. Но истина заключалась в том, что мне не хотелось давать Натану возможность закрутить с Эммой. Без сомнения, он был человеком, обладающим шармом, но так и не ставшим взрослым и не научившимся контролировать свой член. Он по праву носил титул «мистер Изменщик» в своих двух предыдущих браках.

– Понимаешь, она мне нравится. Эмма. Это как глоток свежего воздуха... – Я вздохнула.

– Как скажешь. – По его виду было понятно, что я его не убедила.

– А как насчет того, чтобы уложить свои вирусы в койку, Марк?

– В спальне или в гостевой?

– Решай сам.

Глава 6

В недалеком прошлом

ВЕСЫ

Люди по-разному воспринимают время. Попробуйте спросить человека, страдающего бессонницей, сколько длится ночь?

– Я не нравлюсь твоему мужу, правда?

Со званого ужина прошла уже пара недель. Я наблюдала за волнами, разбивающимися о скалы, и повернула голову, чтобы проследить, как пена попадала в выемки, где дети любили сачками ловить раков-отшельников, моллюсков и, если очень повезет, морских звезд.

Не зная, что ответить Эмме, я вместо этого задумалась о своем гороскопе, который прочитала утром. Теперь это было моим новым порочным увлечением. Сегодняшний попал прямо в точку – люди действительно по-разному воспринимают время. Некоторых людей можно знать годами и в то же время не знать совсем.

А других?

Наконец я моргнула и повернулась к Эмме – от ветра глазам было больно.

– Марк просто ненавидит уикенды. Вся эта езда туда-сюда... Здесь нет ничего личного, Эмма. Его проблема – это Тэдбери, а не ты, или Хартли, или кто-то еще. Он ведь никогда не хотел переезжать. Я практически выкрутила ему руки. И в изначальном плане был перевод сюда бизнеса, но это не сработало...

Эмма выдержала мой взгляд, и, прежде чем она отвернулась, я увидела на ее губах полуулыбку.

Я подумала о Хартли. Когда после пресловутого обеда минуло пару дней, Джил пригласила меня и Эмму на кофе. У нее был недельный отпуск, и она приготовила великолепный яблочный пирог, который подогрела и подала с домашним мороженым и эспрессо в очаровательных оранжевых чашечках.

– Ну, и как простуда Марка? – Джил старалась, чтобы это прозвучало вежливо, но по взглядам, которыми они обменялись с Эммой, я поняла, что они это уже обсудили. Провальный званый обед...

Джил мне всегда нравилась, и я жалела, что не смогла устроить для нее приятный вечер. Она работала в горсовете Плимута, а Энтони преподавал. Ни для кого не было секретом, что она хотела иметь детей, хотя Энтони, казалось, они были не нужны, – и для нее это было очень тяжело. Время от времени я замечала, как она следит за Беном полными грусти глазами.

И вот теперь я сама посмотрела на двух малышей, которые в нескольких футах от меня строили гигантский замок из песка. И почувствовала приступ вины, заметив, как напрягся Бен, когда Тео с двумя ведерками побежал за водой, чтобы заполнить ею ров.

Я сама была виновата в этой ужасной водобоязни Бена. Во время самого первого совместного отдыха, который мы проводили на вилле, он упал в воду – я отвернулась всего на одно мгновение... И сейчас мой сын стоял на песке, крепко сжав кулачки, а я на расстоянии чувствовала, как он напряжен и испуган, наблюдая за Тео по колено в воде. Иногда Бен отказывался даже от ванны. «Она мне не нравится. Я не люблю, когда вода вокруг меня. Мамочка, не заставляй меня... Я хочу в душ».

Я прикрыла глаза, чтобы поточнее вспомнить картинку кашляющего и задыхающегося Бена и Марка, вытаскивающего его из бассейна. Ему тогда только исполнилось два годика. Он окаменел от ужаса. Крохотное тельце сына сотрясали судороги, когда мы заворачивали его в одеяло...

Моя вина. И мой вечный позор.

Я раскрыла глаза и увидела, что Тео возвращается от берега и подбадривающим жестом трогает Бена за руку, прежде чем передать ему одно из ведерок с водой. Он такой милый, этот Тео. Для Бена он был таким же подарком, как Эмма для

меня.

Я опять перевела взгляд на нее. Да, мне хотелось бы, чтобы Марк изменил свое отношение к ней, – тогда они с Тео могли бы приходить к нам по воскресеньям. С того обеда Эмма встречалась с Марком несколько раз, но никаких подвижек к лучшему не произошло. Я решила, что пытаться что-то изменить бесполезно, и тяжело вздохнула.

Это моя подруга. Это мой выбор. И это еще не конец света.

Эмма вновь занялась сортировкой ракушек, которые вынимала из небольшой пластиковой емкости, а я подняла руки, чтобы убрать волосы в конский хвост. Дальше по пляжу какая-то собака рыла песок так, будто хотела добраться до центра Земли; трехлетка, находившийся рядом в коляске, визжал, потому что летевший песок попадал ему на лицо. И на его мороженое. И это задевало его гордость. Я посмотрела, как мать схватила ребенка и пристроила у себя на бедре, стараясь спасти рожок с лакомством. Личико малыша было красным от ярости, а хозяин пса уже бежал к ним, протягивая руки и рассыпаясь в извинениях.

* * *

Вот уже два месяца, как мы таким образом проводили время вместе с Эммой, – беседуя, гуляя, закусывая и притворяясь туристами. Мой гороскоп оказался верен, потому что с ней я уже достигла такого уровня покоя, который был выше, чем почти со всеми остальными моими подругами. Даже с Кэролайн.

Теперь я виделась с Эммой практически каждый рабочий день – хотя бы для того, чтобы выпить чашечку кофе. Каждое утро она звонила мне и начинала свои дружеские поддразнивания:

– Конечно, ты слишком занята уборкой, Софи, чтобы просто выйти и поболтать...

И не буду скрывать, что меня огорчили некоторые из старожилов деревни, которые ее так и не приняли. Особенно я была разочарована Марком. Но ведь все они были персонажами пьесы, в которой действующие лица ведут себя друг с другом с преувеличенной вежливостью и предпочитают ничего не значащие

разговоры и невмешательство в чужие дела, чего категорически не могла принять Эмма.

Может быть, именно это мне нравилось в ней больше всего – эта ее способность во всем доходить до самой сути. Она умела открыто смотреть на тебя и задавать такие существенные вопросы, как будто, слой за слоем, освобождала тебя от всего наносного и обнажала то, что ты обычно предпочитала прятать от других.

А еще Эмма была невероятно энергичной, и это было как раз то, чего не хватало мне. Она стреляла по тебе залпами из всех орудий, при этом ее энергию и изворотливость я находила заразительными, а иногда и освежающими. Из всех, кого я знала, только она была способна сказать: «Смотри на жизнь проще» – с такими глазами, что ты сразу понимала: ее главной целью было развеселить, а не обидеть. А еще – и для меня это было самым важным – она была начисто лишена даже намека на нерешительность.

Взять, например, нашу первую поездку сюда, на остров Бург. Мы обе очень хотели увидеть отель, но я думала, что мы просто соберем проспекты на стойке ресепшна. Ну, или когда-нибудь в будущем, когда мальчики в сентябре пойдут в школу и в детский сад, психанем и вернемся сюда, все расфуфыренные, на ланч.

Отель меня потряс. Невероятно стильный интерьер – дань памяти тридцатым годам, когда Бург был местом паломничества богатых и красивых. Причудливое ар-деко в белых тонах на фоне быстро меняющейся природы острова. Когда отлив был достаточно сильным, до отеля можно было добраться пешком, используя полосу, обнажавшуюся из-под воды; в другое время хитроумное приспособление с протяжкой каната предлагало вам как способ добраться до острова платформу на ходулях, высоты которой едва хватало, чтобы пассажиры не замочили ноги.

Я уже бывала на острове, когда мы только переехали сюда, опять-таки с целью набрать проспектов. И надеялась вернуться сюда на обед с Марком, но почему-то это, как и многое другое, так и не сбылось.

Но первый визит сюда с Эммой... Это было нечто! Сначала мы позволили детям поиграть на пляже; я тогда была в этом жутком старом мешковатом свитере – и вдруг увидела, как Эмма решительно направляется к отелю, предлагая мне съесть там ланч. Это было чистое сумасшествие, особенно потому, что на дверях

висела табличка «Только для проживающих».

«Ничего не получится, Эмма. Ради всего святого, вернись. Здесь же только для проживающих...»

У стойки Эмма была само очарование – служащие вели себя очень мило, но твердо стояли на своем. А потом она начала фантазировать о том, что занимается связями с общественностью и маркетингом в медиакомпании в Лондоне и сейчас оценивает гостеприимство различных туробъектов.

Я была в ужасе – наши вымазанные по уши в песке дети стояли прямо на пути разодетых в шелка и изысканную парусину пар, – но Эмма была совершенно невероятна. В конце концов она смогла выбить для нас кофе на террасе, и служащие принесли ей полный набор рекламных материалов.

– Не хмурься, Софи, а то появятся морщины, – сказала Эмма, не поднимая головы от емкости, и я вновь заулыбалась, размышляя над тем, насколько изменилось мое отношение – и не только к Тэдбери, но и ко всему Девону – с того момента, как она появилась у нас.

– Знаешь, я прожила здесь целых четыре года, но так и не смогла насладиться всем этим... Пока не появилась ты. Все это прошло мимо меня.

– Прости? – Эмма все еще раскладывала ракушки по корзинкам в зависимости от их цвета. – А разве с Кэролайн вы не путешествовали?

– Нет. Никогда. Я как раз сейчас думала об этом. О том, сколько времени мы потратили впустую. У Кэролайн не было детей, поэтому она никогда не понимала Бена. Что ему нравится. Что вообще необходимо детям. В то время я думала, что это не так уж важно. Но оказалось, что это не так.

Эмма, не отрываясь, смотрела на меня. Это была еще одна ее способность, которая мне нравилась. Она умела поддерживать зрительный контакт. И делала это каждый раз, когда мы планировали очередную вылазку. У нее глаза всегда были широко открыты и полны энтузиазма. За один месяц мы посетили практически все места, упоминавшиеся в ее вырезках.

Прогулка на кораблике до «Гринвея», дома Агаты Кристи на реке Дарт. Поездка на паровозе из Тотнеса до Бакфастли. Пикники в Дартмуре, где Тео было позволено поплавать в протоках на каноэ, а бедный Бен следил за ним и махал руками, но слишком нервничал, чтобы присоединиться.

«Всё в порядке. Я постою на бережке».

Будь проклята эта вилла...

– Знаешь что, Эмма, после твоего приезда я чувствую себя так, словно помолодела.

– Рада это слышать, Софи, особенно сегодня, потому что я хочу обсудить с тобой кое-что важное.

– Слушаю.

– Ты знаешь, что я встречаюсь с Натаном?

– Ку-ку, Эмма, мы живем в Тэдбери.

– То есть люди сплетничают?

– Завтра собираются вывесить афиши.

– Да черт с ними, с этими сплетнями, – Эмма рассмеялась. – Мне на них наплевать. Важно, чтобы ты не слишком меня осуждала. Я знаю, что ты меня предупреждала, но уверяю тебя – я полностью его раскусила. Просто я нахожу его довольно забавным, и у нас с ним ничего серьезного. – Она склонила голову набок. – Я не хочу, чтобы ты расстраивалась.

– Я и не расстраиваюсь.

– Отлично. Потому что Натан рассказал мне о том, что произошло с Кэрлайн. Об этой кулинарии. И вот я задумалась...

Я выпрямилась и вновь нахмурилась. Фиаско с кулинарией было не той темой, которую мне хотелось бы обсуждать в данный момент.

Мне очень нравилось, что мы с Эммой никогда не говорили о делах. Моим самым большим кошмаром был вопрос: «Ну и что ты собираешься делать?» Я все еще не была уверена, стоит ли мне заниматься поисками какой-то работы, ведь мы с Марком никак не могли прийти к консенсусу по поводу «программы продолжения рода». А Эмма, как мне казалось, наслаждалась тем, что не работает.

Честно говоря, я не знала, как она может себе это позволить. Эмма никогда не вдавалась в подробности – так же как редко говорила о времени, проведенном во Франции. Полагаю, что там были замешаны какие-то семейные дела, и из-за этого она чувствовала себя неловко, в шутку называя себя «еще одним чертовым художником, который совершенно никому не нужен на юго-западе».

Мой негромкий внутренний голос подсказывал, что Эмма слишком скромничает. Хизер позеленела от зависти, когда она распаковала вещи и на свет появились ее потрясающие работы из керамики. И, наконец, Эмма призналась, что изучала искусство в Лондоне и на севере, а также устроила несколько успешных индивидуальных выставок в ключевых художественных галереях.

И вот теперь, глядя на то, как ветер сдувает пряди волос с ее лица, я размышляла, куда может привести нас эта неожиданная беседа.

– Ладно, продолжай, Эмма. Ты сказала, что кулинария заставила тебя задуматься?

– Да. Ты же меня знаешь – мой мозг находится в постоянном поиске. Когда я услышала, что у тебя с Кэролайн ничего не получилось, у меня появилась идея. Натан как-то упомянул, что ты все еще хранишь кухонное оборудование, которое сложено где-то в пристройках?

Я закрыла глаза и отвернулась – ничего не смогла с собой поделать.

– То есть тебе всё еще неприятно говорить об этом? Всё еще винишь во всем Натана?

– Послушай, – я глубоко вздохнула, – я винила во всем Натана, потому что не хотела винить Кэролайн. А может быть, и саму себя.

– Но ведь он действительно в этом не виноват?

– Нет. Знаешь, Эмма, без обид, но я не уверена, что мне хочется это обсуждать. Ладно? – Я играла со своим «конским хвостом». Все дело было в том, что я не хотела, чтобы Эмма узнала эту мою сторону. Тогда моя наивность не знала границ, и разочарование ей не уступало. Признаться ей, что я всё еще мечтаю об этом? Смешно и нелепо.

– Я слишком много вложила в кулинарию, Эмма. Представляла себе, как она решит все мои проблемы. Поможет мне справиться с эмоциями после рождения Бена. Поможет нам должным образом устроиться в Тэдбери...

Эмма ждала, стараясь прочесть мысли по выражению моего лица. При этом настолько пристально смотрела на меня, что почти казалось, будто она тоже видит эту мою мечту. Ощущает фартук с бело-синими полосками на моей шее. Вся продукция выложена на сверкающих чистотой подносах. Три большие емкости с паштетом собственного приготовления: из макрели с некоей изюминкой, из печени цыпленка и из дичи по моему рецепту. Еще теплый хлеб в корзинках. Объявления, возвещающие о только что полученных из Франции деликатесах в жестяных коробках: фуа-гра, утка в собственном соку, мусс из утки...

Днем я больше не позволяла себе думать об этом. Уничтожила все чертежи и финансовую документацию. Бизнес-план. Списки товаров и поставщиков. Проекцию развития на второй и третий годы – к тому времени я надеялась предлагать мясо и органические овощи, выращенные на близлежащих фермах. Колбасы по собственному рецепту. Нашим слоганом должно было быть: «Вкус Тэдбери – только местные продукты».

– Просто я удивлена, что ты никогда не говорила мне об этом, Софи. А как реагировал на все это Марк?

– Он сразу предупредил, чтобы я не мешала бизнес с дружбой. Но, в конце концов, не стал ничего говорить.

Это небольшое преуменьшение. Хотя, надо отдать ему должное, Марк не говорил: «Набивай себе собственные шишки». С самого начала он не советовал мне вкладывать в проект свои собственные накопления и предлагал в качестве страховки создать компанию с ограниченной ответственностью – взять соответствующий, и вполне безопасный, кредит в банке. Все абсолютно официально с самого начала. Но я бросилась в проект кулинарии с головой – так же как в наш переезд в Девон.

«Послушай, это же Кэролайн. Мы с ней друзья, Марк».

Я глубоко вздохнула и рассказала Эмме все – на тот случай, если Натан добавил ко всей этой истории свои собственные комментарии.

Я потратила шесть месяцев, чтобы разработать бизнес-план открытия кулинарии, – Кэролайн поддерживала меня своим энтузиазмом, но всю черновую работу я сделала сама.

В то время, когда «Приоратом» владела Кэролайн, в самом конце ее сада располагался переделанный одноэтажный амбар, который она сдавала за скромную плату. После того как несколько арендаторов кинули ее с арендной платой, Кэролайн решила на эксперимент. Так родился проект общей «едальни».

Я могу с гордостью сказать, что моя готовка пользовалась успехом в округе. Еще до того, как мы переехали, я была неплохой поварихой, а потом стала заполнять пустые дни посещением профессиональных курсов и часто готовила для наших деревенских благотворителей. По идее Кэролайн, мы должны были начать с легкого разборного киоска, в котором продавались бы мои паштеты, выпечка, консервированные овощи и продукция с местных ферм и от небольших производителей.

А потом, когда ее очередной арендатор съехал, не заплатив за электричество, мы решили задуматься о чем-то большем.

Неофициальным путем мы выяснили, что местный совет с удовольствием поддержит открытие местной кулинарии. Нас волновало лишь одно: пешеходная доступность заведения. И именно здесь я совершила свою первую ошибку – вложила деньги не в архитектора и оформление документов об изменении

формы собственности, а в подготовительные работы по созданию идущей в обход коттеджа дорожки, которая стала бы совершенно отдельным подходом к амбару. В то время это казалось мне абсолютно справедливым, ведь Кэролайн планировала войти в наше совместное предприятие с уже готовым помещением. Когда мы согласовали изменение формы собственности, эта моя вера в нее заставила меня сделать следующий шаг, а именно приобрести некоторое необходимое оборудование: кофеварку, холодильник, плиту.

Разработкой планов помещения и всем юридическим сопровождением проекта занималась одна фирма в Тотнесе, но позже Кэролайн попросила Натана взглянуть на планы помещения, прежде чем строители установят оборудование.

И вот тогда всё очень быстро пошло наперекосяк. Изменение наших взаимоотношений с Кэролайн происходило настолько драматично, что я так и не поняла всего до конца, – до тех пор пока она не уехала из деревни.

Как потом выяснилось, Кэролайн была уверена, что некое соглашение с соседями запрещает любое строительство на ее участке. Но Натан, изучив все документы, выяснил, что это не совсем так. Первоначальное соглашение имело временные ограничения, и срок его действия уже истек, так что ничто не мешало Кэролайн превратить амбар в двухэтажный жилой дом, доход от которого будет гораздо существеннее, чем от кулинарии.

Соглашение с соседями было быстро достигнуто, и Кэролайн сразу же договорилась о продаже своего участка девелоперской компании, которая с удовольствием взялась за оба дома как за единый проект.

За полученные очень приличные деньги Кэролайн купила себе виллу в Португалии и перевоплотилась в «лайф-коуча»[25 - То есть тренер по лайф-коучингу, задача которого состоит в том, чтобы помочь человеку реализовать себя в какой-то важной для него сфере с применением тех скрытых ресурсов и потенциала, которые ранее им не использовались.].

С тех пор слово «тараканообразное» стало любимым в моем словаре.

Эмма рассмеялась.

– Честно, это было очень тяжело – наблюдать, как они превращают амбар в дом, тогда как в нем должна была располагаться моя кулинария. Я была просто в ярости.

– Так ты заплатила за все оборудование? И оно у тебя осталось, Софи?

– Ну да. Пэкхэмы засунули его в одну из пристроек своих родителей. Я всё собираюсь разместить сообщение на «И-бэй» или найти какой-нибудь аукцион.

– Не торопись, потому что мне в голову пришла изумительная идея. Как насчет того, чтобы реанимировать твой план? Вдвоем – ты и я. Но не просто кулинарию, а бистро и галерею. Я посмотрела на помещение Натана – на то, как он демонстрирует картины на фоне беленых каменных стен, – и подумала, что амбар мог бы стать великолепным помещением для галереи. А потом, когда услышала о твоём проекте кулинарии, эти две идеи как-то перемешались у меня в голове.

– Нет, нет, нет и нет, Эмма. Я с этим окончательно завязала. Да и Марк с ума сойдет.

– Но я спрашиваю сейчас не Марка.

– Но ведь, если ты этого еще не заметила, амбар «Приората» занят твоими соседями. Это теперь жилой дом.

– Глупая, я ведь сейчас совсем не о нем. Я тут говорила с Артуром по поводу его одноэтажной постройки на Хоббс-лейн. Она у него пустует. И абсолютно не используется. В ней уже установлен туалет, а земля рядом с ней прекрасно подойдет для парковки. И размер – как раз то, что надо. Он сказал, что сдаст мне ее по сходной цене, но я не хочу входить в этот проект в одиночку. Никакого удовольствия.

Внезапно я почувствовала, как в кончиках пальцев у меня забился пульс. Кровь быстрее побежала по венам. Я не знала, что мне ей ответить, что подумать.

– Послушай, я понимаю, что для тебя это немного неожиданно. И довольно нагло с моей стороны, потому что идея-то – твоя! Но для нас, Софи, это будет

идеальный проект. И он избавит нас от скуки после окончания каникул. Ты умеешь готовить. Я знаю, как демонстрировать керамику. Мы сможем сдавать художникам места для их произведений – это привлечет креативную публику во время мертвого сезона и туристов во время отпуска. Да и местным пойдет на пользу.

– Но художники не едят вне дома. Если верить Хизер, они вообще редко могут позволить себе поесть.

– Доверься мне. Если мы всё правильно продумаем, то это будет просто идеально. Вся эта художественная аура станет нашей главной фишкой. В мертвый сезон мы сможем организовать бюджетные ланчи для художников – суп и какая-то легкая закуска. Меню для туристов будет гораздо обширнее, включая даже ежедневные чаепития. Все это пройдет на ура!

Теперь уже пришла моя очередь включить мозги – и перед глазами у меня возникла раскадровка: графические изображения кофейных чашечек и мольбертов, или кисточек и блинчиков...

– Нет, нет, с меня этого хватит. Хватит этих разговоров, Эмма.

– И на этот раз всё будет пятьдесят на пятьдесят. В письменном виде. Пока мы здесь с тобой беседуем, Натан рисует планы помещения и подает запрос на разрешение устроить парковку. Городской совет – тоже с нами.

– Ты что, шутишь? Неужели ты всем этим уже занимаешься?

– Всё, что от тебя требуется, Софи, это сказать «да». Иначе мне придется найти кого-то другого, а это будет просто ужасно. Хартли тоже говорили мне, что ищут, куда бы вложиться, но я с бо?льшим удовольствием займусь этим с тобой.

Я почувствовала сильный внутренний удар, когда представила себе, насколько легко Эмме будет найти партнеров для реанимации моей мечты. Эмме, с ее оптимизмом и способностями. Эмме, которая, в отличие от Марка с его чертовой простудой на этом кошмарном званом обеде, мгновенно всех очаровала – особенно чету Хартли. И хотя это и было сверхзадачей того вечера – помочь Эмме завести новых друзей, – я вспомнила, какое у меня было настроение перед ссорой с Марком. Что же это было? Ревность? Неужели я приревновала Энтони и

Джил, когда увидела, как легко они сошлись с Эммой? Эмма гадала им по руке, я скучала, а Марк играл в человека-невидимку.

– Послушай, может быть, я и была не совсем справедлива по отношению к Натану. Я имею в виду этот случай с Кэролайн. Скорее всего, он просто выполнял свою работу...

– Так ты подумаешь над этим? – Эмма улыбнулась.

– Я этого не говорила.

– Вот и отлично. Бумаги я принесу сегодня вечером.

Сегодня, 17.25

– Извините. Прошу прощения... Вам необходимо вернуться на поезд.

Я не обращаю внимания на эти слова и смотрю на свой телефон. Связи почти нет. Взбираюсь чуть выше на насыпь, но результат – тот же.

– Мадам, вы меня слышите?

Сейчас я замечаю, что от поезда до меня доносится шум множества голосов. Голос проводника – самый громкий из них. Твердый, но – по крайней мере, пока – спокойный. Однако я не поворачиваюсь в сторону голосов. Это пассажиры что-то обсуждают между собой. Раздаются звуки открываемых дверей.

Я же продолжаю искать глазами дорогу. Или тропинку. Хоть что-нибудь, что поможет мне определить, где я нахожусь и есть ли какой-то другой, более быстрый способ добраться до Бена. Но ничего нет. Вокруг только трава, насыпь и коровы...

Внезапно тональность звуков, доносящихся с поезда, меняется.

– Ладно. С меня – довольно. Вы двое, немедленно вернитесь. Я не шучу. Мы не можем допустить, чтобы кто-то еще сошел с поезда...

Я поворачиваюсь и вижу, что еще два пассажира спустились из вагона на насыпь. Мужчина средних лет с седыми волосами. Довольно симпатичный. Высокий. С добрым лицом. И с ним женщина, моложе его, с волосами, забранными в высокий конский хвост.

– Я говорю абсолютно серьезно. Мне придется сообщить об этом, что задержит нас еще больше. – Голос проводника звучит гораздо громче, и сейчас в нем слышится растущая тревога. – Я прошу вас, мадам. Это небезопасно. Вы должны вернуться на поезд...

Он смотрит прямо на меня широко открытыми глазами, сжимая в руках мобильный телефон.

– Нас могут продержать здесь много часов. А я не могу здесь застрять. Мне надо домой.

– Нам сообщили, что мы отправимся максимум через десять минут.

– Тогда почему вы не объявили об этом по внутренней связи? Почему вы просто бросили нас в полном неведении?

– Мы ждем подтверждения.

– Полная ерунда. А как насчет того поезда неделю назад, когда пассажиров оставили на несколько часов без кондиционера, туалетов и внутренней связи? Вообще без всего. Мы, знаете ли, не можем просто сидеть, позволив вам запереть нас на этом поезде и обращаться с нами таким же образом. – Я наслаждаюсь этой сварой. Получаю удовольствие от того, что могу направить свой гнев и неудовольствие в новое русло.

К этому моменту в окнах торчат десятки физиономий пассажиров, наблюдающих за мной. Мужчина с седыми волосами тоже смотрит на меня, но по его лицу видно, что он не сильно меня осуждает.

Я чувствую, что мои руки начинают дрожать, и, чтобы остановить это, крепко сжимаю кулаки. А еще у меня начинает кружиться голова, и мне приходится шире расставить ноги, чтобы не потерять равновесие, – я не хочу, чтобы проводник заметил мое состояние.

– У нас свои правила, мадам. Процедуры. Пока нас задерживают только на пятнадцать минут.

– Пока!

Это выкрикнул кто-то, находящийся в поезде за спиной проводника. Я его не вижу, но благодарна за поддержку.

Проводник поворачивается к поезду и знаками призывает пассажиров к спокойствию, прежде чем вновь посмотреть на меня и парочку на насыпи.

– Послушайте. Это последнее предупреждение. Вы все трое должны вернуться в поезд. Прошу вас. В противном случае мне придется сообщить об этом. Вызвать помощь. Полицию. «Скорую»...

– Полицию?

– Мадам, сейчас вы стали причиной довольно серьезного происшествия. И подвергаете себя и других опасности. Мы не можем этого допустить. Прошу вас. Я предупреждаю в последний раз. Возвращайтесь на поезд...

Неожиданно я чувствую, как меня охватывает паника. «Скорая помощь»? Что он этим хочет сказать? Мне не «Скорая помощь» нужна, а машина или вертолет.

Мужчина с седыми волосами подходит чуточку ближе:

– Вам что, нехорошо? Вы очень побледнели. И на ногах держитесь нетвердо... Я – врач и с удовольствием попытаюсь вам помочь.

Он смотрит на проводника. Выражение на лице последнего меняется.

Мне совсем не нравится то, как оба они смотрят на меня.

– Я не псих. – Произнеся это, слегка подаюсь вперед. – Вы что, думаете, я псих? Что у меня с головой не в порядке?

– Нет. Ну, конечно, нет...

На мгновение я задумываюсь, не выгляжу ли действительно как псих.

И внезапно вижу всю эту сцену как бы со стороны и начинаю паниковать, потому что проводник упомянул «Скорую помощь». А вдруг они меня закатают? Что, если у них есть на это право?

Из окон поезда на меня смотрят сотни незнакомых лиц, и вдруг я наконец-то вижу его. Всё вокруг как будто замирает на мгновение, а потом окно открывается и он зовет меня по имени. Я испытываю одновременно и шок, и облегчение – меня ставят в тупик мириады обрушившихся на меня эмоций.

А в следующий момент Марк уже спускается из вагона и оказывается рядом со мной.

– Это моя жена. Бог мой... Софи! – Он, не отрываясь, смотрит на меня, но моя поднятая рука заставляет его замолчать.

– Ваша жена? – Видно, что проводник окончательно запутался, так же как и все остальные. – Но вы ведь ехали порознь...

– Я не знал, что она на этом же поезде... У нее нет с собой ее обычного телефона.

Я смотрю на говорящего Марка и с большим трудом сдерживаю слезы.

– Нас срочно вызвали домой, – он смотрит на проводника.

– Мне нужно к Бену, Марк.

– Я знаю. Всё знаю, любимая... – Марк вновь поворачивается к проводнику: – Наш сын попал в аварию в Девоне. Сейчас его оперируют. Нам позвонили из полиции,

но мы не знаем, что в действительности произошло.

– Боже мой... Мне очень, очень жаль.

Выражение лица доктора тоже меняется, и он пристально смотрит мне в глаза.

– Вы, должно быть, в шоке. И в отчаянии...

Теперь я действительно с трудом сдерживаю рыдания. Почему-то мне не нужна эта его доброта – она делает всё еще хуже.

– Нам необходимо добраться до Девона. Последнее время моей супруге было очень тяжело. Множество потрясений, которые она испытала еще до этого....

Марк говорит очень мягким, «докторским», голосом, а мне хочется, чтобы он замолчал. Может быть, он и пытается убедить их не давать делу официальный ход, но я не хочу, чтобы Марк продолжал.

Я... не хочу... чтобы он... продолжал.

Достаточно того, что они знают о Бене.

Я не хочу, чтобы они узнали, что случилось прошедшим летом. О том, другом, потрясении...

Я закрываю глаза, и на мгновение в памяти оживает вся эта сцена. Алый цвет. Кровь, покрывающая мои руки...

Глава 7

В недалеком прошлом

Первое, и самое сильное, потрясение было как гром среди ясного неба. Как взрыв.

Ба-бах.

Его последствия оказались необычайно жестокими, и их можно было ощутить почти физически. Как будто ты на бегу огибаешь угол здания, улыбаясь навстречу солнцу, – и вдруг врезаешься прямо в стену.

Еще совсем недавно мы обсуждали на берегу проект кулинарии, и моя обычная жизнь становилась гораздо счастливее, полнее и интереснее, и всё это благодаря Эмме... Что же случилось потом?

Неожиданно всё было раздавлено – разбито, как стекло, гладкое и блестящее в один момент и просыпающееся сквозь пальцы на пол острыми и злыми осколками в следующий. Всего одно мгновение – и вот уже на моей кухне сидела и внимательно разглядывала меня женщина из полиции. Она хотела, чтобы я всё повторила еще раз – всё с самого начала.

Но вся проблема была в том, что мне этого вовсе не хотелось. Только не это.

Я закрывала глаза и видела всё вновь. Алый цвет. И я совсем не хотела еще раз испытывать давление на грудь – это странное ощущение, источник которого находился как бы вне моего тела, как будто меня вообще не было: ни в этой комнате, ни на месте случившегося, ни во всей этой истории.

Детектив-инспектор Мелани Сандерс прочистила горло, я открыла глаза и перехватила ее взгляд, направленный на место возле окна. Она всё еще ждала, а я всё еще молчала.

«Так вот что значит настоящее потрясение? Когда ты как бы оказываешься вне своего тела? Когда ты наблюдаешь всё как бы со стороны, а не проживаешь это?» – размышляла я.

– Поверьте, очень неприятно вновь беспокоить вас, миссис Эдвардс, но мне надо обговорить с вами пару вещей.

После этого инспектор Сандерс задала несколько вопросов, и я поняла: она хочет, чтобы я еще раз рассказала ей всё в мельчайших подробностях. И я в конце концов сделала именно это. Медленно вернулась в комнату, в настоящее,

и еще раз повторила ей всю эту гребаную историю.

* * *

Как все мы проснулись необычно рано из-за этих флагов. Часы на туалетном столике показывали шесть часов утра, а Бен уже стоял возле нашей кровати.

– Мамочка, там возле нашего окна дядя с лестницей.

Рассказывая, я повернулась к окну на кухне и ясно представила себе, как тогда отдернула шторы наверху.

Оказалось, что это был Алан – председатель нашего местного совета. Некоторые из украшений к ярмарке успели за ночь упасть. Я вспомнила, как помахала ему, будучи еще в халате, зевнула и подумала, что рядом с ним нет никого, кто подержал бы лестницу. После этого я тоже решила начать свой день пораньше. Так что в девять часов уже шагала по деревне и отмечала сделанное галочками в своем небольшом черно-белом планшете, радуясь тому, что погода, хотя и достаточно ветреная для палаток, была, по крайней мере, сухой.

«Я была счастлива. Я была абсолютно спокойна».

Это я заставила их зафиксировать во время того самого первого допроса.

«Со мной всё было в порядке».

Я еще раз рассказала детективу-инспектору Сандерс, что ярмарка каждый год начинается в два часа дня, и меня в тот день волновал только конкурс по уничтожению рояля – настоящий кошмар с точки зрения возможных травм. Наша страховая компания была от этого не в восторге, поэтому я заставила организаторов еще дальше отодвинуть ограждения, а в остальном всё было прекрасно.

– Так это была ваша идея, чтобы мисс Картер сыграла роль гадалки? – Инспектор Сандерс достала из сумки записную книжку и теперь просматривала свои записи. Книжка оказалась не похожа на маленькие и изящные блокнотики, которые видишь в кино, – она была довольно большой, такие обычно используют

журналисты.

– Да. Послушайте, я всё это уже говорила вашим коллегам вчера вечером. Я вообще не понимаю, почему все так интересуются этой палаткой гадалки. Ради всего святого – вчера была ярмарка. Люди хотели веселиться. Это была просто уловка, чтобы собрать деньги на церковь.

– Значит, предложение исходило не от мисс Картер? Вы в этом абсолютно уверены?

«Боже, дай мне силы... Что не так с этими людьми?»

– Абсолютно уверена. Более того, ее пришлось уговаривать. Послушайте, Эмма – новичок у нас в деревне и своим согласием оказывала мне большую услугу. Она вообще не хотела этого делать, поэтому я вправду не понимаю этих ваших вопросов. – Я посмотрела инспектору прямо в глаза. – Это была просто глупость. Чтобы немного повеселить публику.

Если уж на то пошло, я хорошо понимала нежелание Эммы принимать в этом участие. Сначала она вообще наотрез отказалась, сказав, что всё это поставит ее в затруднительное положение. Что гадание по руке и на чайных листьях среди друзей – это одно, но брать за это деньги?..

Она сдалась лишь тогда, когда я решила использовать ее же собственный метод убеждения: «Эмма, я тебя умоляю, смотри на жизнь проще. Никто не обратит на это внимания. Всё делается ради церковной крыши».

– И последнее, – детектив Сандерс вновь обратилась к своей записной книжке, но на этот раз – демонстративно, как актер, который изображает неуверенность. Я взглянула на часы, раздумывая над тем, когда появится Марк, и сожалея о том, что сама послала его за газетами. – Просто когда я просмотрела те записи ваших показаний, которые сделала вчера вместе со своими коллегами...

Я взглянула на дверь игровой комнаты. Она была прикрыта, но, хотя я слышала, что там достаточно громко работает телевизор, я вдруг разволновалась, что Бен может нас услышать. Подошла к двери и закрыла ее, ощутив рукой неожиданный холод бронзовой ручки. И вспомнила то, другое ощущение, которое всё это время тщетно пыталась выбросить из головы. Ее тепло на моих

руках. Ее запах. Ее текстуру. Мое желание убрать руку и в то же время понимание, что я не могу этого сделать. Не должна этого делать.

– Понимаете... Для вас это, должно быть, стало настоящим кошмаром, миссис Эдвардс. Ужас. Но я не могу понять одну вещь, – тут офицер сделала паузу, – из ваших свидетельских показаний никак не следует, что вы закричали. Я имею в виду, позвали на помощь.

Я отпустила дверную ручку и несколько раз вытерла ладони о джинсы.

– У вас есть дети, инспектор?

– Нет, – она выглядела сбитой с толку. – А почему вы спрашиваете?

– Я не закричала, потому что на пороге стоял мой сын. – Я продолжала вытирать руки о джинсы. – Я попросила его подождать минутку. Он – послушный мальчик и обычно выполняет мои просьбы. Но если б я закричала, он вбежал бы в дом. А ему всего четыре.

Детектив Сандерс попеременно смотрела то на меня, то в свою записную книжку.

– А. Ну да, конечно. Понятно. Это нечетко отражено в ваших вчерашних показаниях, – она еще раз проглядела свои записи, проводя ручкой сверху вниз по странице. – Вы сделали всё, что смогли. Я ни в коей мере не предполагаю... – Она как будто защищалась от меня, но ее голос звучал по-доброму. – Что ж, я думаю, это всё.

В этот момент я наконец услышала, как Марк поворачивает ключ в двери. Мы обе посмотрели в сторону прихожей, и, когда он появился в комнате, выражение его лица изменилось с озадаченного на раздраженное.

– Мы с миссис Эдвардс обсудили пару вопросов...

– Но мы же уже занимались этим вчера. И много часов подряд. Моя жена совершенно измучена. Вы только посмотрите на нее. Она почти не спала.

– Да, конечно. Я уже выяснила всё, что хотела. Прошу прощения за это вторжение. И благодарю вас.

Инспектор встала, спрятала записную книжку в сумку и заторопилась к выходу. Марк следовал за ней по пятам.

Я слышала, как они о чем-то шепчутся, и ждала, пока дверь не захлопнется и Марк не вернется на кухню.

– Она – детектив-инспектор. А это значит, что из отдела уголовных расследований, так? Марк, как ты думаешь, почему этим занимается отдел уголовных расследований?

– Не имею ни малейшего представления.

А потом мы молча следили сквозь кухонное окно, как женщина идет не к полицейской машине, припаркованной на площади, и не к полицейскому оцеплению возле церкви, а по дорожке, ведущей к дому Эммы.

– Может быть, мне стоит позвонить Эмме? Предупредить, что к ней гости?

– Ни в коем случае. Думаю, что тебе следует сделать то, о чем я прошу тебя всё утро, – немедленно лечь в кровать.

* * *

Я послушалась его – и сразу пожалела об этом, потому что, как и ночью, ярче всего видела всё, именно когда ложилась, словно сцена была отпечатана у меня на веках и ждала лишь, чтобы я закрыла глаза.

Я всегда думала, что нормально отношусь к крови: иногда у Бена случались кровотечения из носа, и эти потоки не волновали меня. Но сейчас всё было иначе, и совсем не так, как показывают по телевизору. Не так, когда ты узнаешь лицо. Глаза.

Именно поэтому я сомневалась, что смогу заснуть, зная заранее, что в тишине и покое воспоминания оказываются самыми яркими. Ее тепло. Ее запах. И, конечно, ощущение ее самой у меня на руках. Я размышляла о случившемся вчера и дважды выскакивала в ванную комнату, где меня выворачивало наизнанку. Из-за двери раздавался голос Марка, который спрашивал:

– С тобой всё в порядке, Софи?

– Конечно, со мной не всё в порядке, Марк...

Я видела самое страшное, что люди могут совершить друг с другом. И это были мои друзья и соседи. Как же со мной может быть всё в порядке?

Я тогда вошла в комнату, веселая и расслабленная. Мой сын ждал меня на пороге. Ничего не ведающий. Невинный младенец. И я. Софи. Женщина, якобы живущая в золотой клетке.

Я вошла с улыбкой и увидела сцену, которую никогда – никогда! – никому не пожелаю увидеть. Ни своему сыну. Ни своему мужу. Ни даже инспектору полиции с ее неправильной записной книжкой и дурацкими мыслями обо всех нас.

Это было просто нереально. Вот как это всё выглядело.

Ужасающе и нереально.

* * *

Вчера в семь часов вечера мы отставали от расписания. Вечерние ярмарочные конкурсы задерживались, потому что Энтони Хартли не изволил явиться, и я помню, как была зла на него, оттого что все остальные пришли вовремя и в течение всего дня мы четко придерживались графика.

Энтони – человек со странностями... Боже! Был человеком со странностями.

Но, знаете, он мне нравился. Даже очень нравился.

Привлекательный мужчина – длинные светлые волосы и глубокие карие глаза, похожие на глаза ребенка. В этом-то и заключалась его привлекательность – Энтони окружала аура человека, так и не ставшего до конца взрослым.

Когда в тот вечер Хартли пришли на обед с Эммой, я заметила, что ей они тоже понравились. Они очаровали ее своим нетрадиционным образом жизни, так же как и меня.

Джил и Энтони жили скромно, но счастливо в крохотном домике с двумя комнатами на втором этаже и двумя на первом. На первом этаже имелась пристройка, в которой располагалась ванная комната, а это значило, что было невозможно воспользоваться туалетом без того, чтобы все присутствующие об этом не узнали.

Помню, как я впервые пришла к ним на ужин и с ужасом думала, что будет, если мне захочется пи-пи, – мне казалось, что все в доме меня услышат. Но у Джил и Энтони была эта способность заставлять людей расслабиться. Они умели смеяться над собой.

Что ж, теперь мне кажется, что у Джил нет другого выхода – то есть, скорее, не было. Она уже многие годы была единственным кормильцем в семье, в то время как Энтони предавался мечтам. И в своих мечтах он видел себя то поэтом, то драматургом, то кем-то еще. В общем, творцом со степенью магистра гуманитарных наук.

Поэтому Джил оплачивала аренду жилья, в то время как Энтони лелеял свои мечты, о чем свидетельствовали горы книг, разбросанных по всему дому. Иногда их скапливалось так много, что между ними трудно было пройти.

Хотя Джил это совсем не напрягало.

– Однажды он за всё воздаст мне сторицей, – обычно говорила она. – Когда напишет свой бестселлер.

После этих слов они обычно заговорщически хихикали, не отрывая глаз друг от друга, – в этом было столько неприкрытой сексуальности, что для человека со стороны это казалось выходящим за рамки приличия.

Казалось, что Джил – постоянно в работе, в то время как Энтони постоянно пытается очаровать кого-то. Каждый раз, когда мы к ним приходили, нам предлагали обсудить нового писателя или философа, так что Марк возвращался домой, неодобрительно вздыхая.

Но только про себя, черт побери.

И если говорить начистоту, то я завидовала их мечтам и простоте их жизни. Две комнаты наверху. И две внизу.

Так что вчера вечером, направляясь к ним домой, я улыбалась про себя, думая об Энтони, который непременно выигрывал все соревнования в кегли. Мне представлялась Джил, светящаяся от гордости на заднем плане, которая подмигивает Энтони при вручении ему очередного кубка. Я думала о том, как им повезло, потому что их мечта отличается от нашей с Марком – с ее неподъемной ипотекой и кредитами, которые мужу придется выплачивать. А мне придется сидеть дома. И увязать в этом доме все больше и больше. Проживая свою идеальную жизнь.

Итак, я оставила Бена на пороге, чтобы поторопить Энтони.

– Бен, милый, постой здесь минутку. Я ненадолго.

Когда они не ответили на звонок в дверь, я не придавала этому значения, потому что Хартли проповедовали теорию «открытых дверей», и я очень часто входила к ним, не пользуясь звонком. «Входите без всяких церемоний», – говорили они обычно. Я так и вошла, зовя их по именам.

Если честно, мне никогда не нравилась эта идея с «открытыми дверями». И я вечно боялась, что застану их в момент ссоры или, что еще хуже, в момент примирения. Именно поэтому я оставила Бена на пороге, прошла через кабинет в столовую и довольно громко позвала: «Энтони! Джил! Вы куда подевались? Пора начинать игру в кегли. И все хотят знать...»

А потом я увидела. Алый цвет.

Яркий и раздражающий, он был... повсюду.

Через всю стену шли капли крови, походившие на еще не высохшую абстрактную картину.

А он лежал в большой и кошмарной алой луже и смотрел в потолок невидящими глазами. Мертвый.

Возможно, инспектор была права. Любой нормальный человек на моем месте позвал бы на помощь. Закричал бы.

Но я могла думать лишь о том, что Бен не должен этого увидеть. Я зажала рот руками, крик звучал только в моем воображении.

Я даже не проверила его пульс. Просто прошла на кухню. Не знаю, почему в тот момент не подумала о мобильном, – перед глазами у меня почему-то был телефон на кухонной стене.

«Быстрее к телефону, Софи. Быстрее к телефону...» – вот и всё, о чем я в тот момент думала.

А потом... потом я увидела ее. Сидящей на полу, прислонившись спиной к буфету. Она тоже смотрела ничего не видящими глазами. Кровь лилась у нее из раны на животе и по волосам. Она повернула глаза в мою сторону. И ничего больше. Только глаза.

А кровь все продолжала течь. Густая. Теплая. Алая.

Я изо всех сил пыталась зажать рукой рану на животе. Пыталась остановить ее.

«Боже, прошу тебя, пусть она остановится».

Я слишком боялась трогать рану у нее на голове, потому что ее края очень широко разошлись – там виднелось что-то белое и отвратительное, словно ее мозг вытекал сквозь череп. А так как теперь из-за Джил я не могла дотянуться до телефона, то вспомнила о мобильном в кармане своей куртки. Я не знала номера дома, так что мне пришлось описать горшки с петуниями перед ним. «Торопитесь, вы обязаны поторопиться!» И лишь потом я позвонила Марку.

– Бен стоит на пороге. Дома Энтони и Джил. Тебе необходимо прийти, Марк. Немедленно. Это просто кошмар. Уведи его. Не позволяй ему войти в дом. Что бы ты ни делал, не позволяй ему войти.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Парамедик – в англоговорящих странах специалист с медицинским образованием, работающий в службах медицинской помощи, аварийно-спасательных и военных подразделениях и обладающий навыками оказания экстренной медицинской помощи на догоспитальном этапе.

2

Пастернак – многолетнее травянистое растение, которое широко применяется в кулинарии и кондитерском производстве.

3

То есть признать свое поражение.

4

Плитняк – пластины природного камня. Представляет собой плоскую плиту различной формы. Средняя толщина плитняка – от 12 до 150 мм.

5

Один из районов на юге Лондона.

6

Девон, или Девоншир – графство в Юго-Западной Англии.

7

Тотнес – рыночный город в дельте Дарта в Девоншире, Англия. Является центром музыки, живописи, театра и альтернативной медицины; известен как место, где можно жить богемной жизнью.

8

Жест указательным пальцем и мизинцем – считается магическим знаком, защищающим от зла.

9

Британский музыкант, композитор, телеведущий, лидер джаз-группы «Джулс Холланд и его ритм-н-блюз-оркестр».

10

«Дарджилинг» – сорт чая, выращенного в окрестностях одноименного города (северная горная часть Индии в Гималаях).

11

Имеется в виду голубая полоска в тесте на беременность.

12

Софи имеет в виду женскую борьбу в жидкой грязи.

13

Один из районов Лондона.

14

Сокращенное название тираннозавра.

15

В переводе с английского языка означает «яблоко».

16

Охотничья порода собак, выведенная в Великобритании в XIX в. Золотистые ретриверы – очень добрые, умные, ласковые, игривые и спокойные собаки, хорошо уживаются с детьми.

17

«Веллингтоны» – высокие кожаные (позже – резиновые) сапоги, названные так в честь герцога Веллингтона, который переобул в них английскую армию.

18

Одно из направлений примитивизма XVIII–XXI веков; отличается простотой, ясностью и непосредственностью выражения.

19

Известная компания по производству детских автомобильных кресел.

20

Уникальный спа-отель на острове Бург был излюбленным местом отдыха и лечения лондонского бомонда.

21

Ар-деко – влиятельное течение в изобразительном и декоративном искусстве первой половины XX в.; эклектичный стиль, представляющий собой синтез модернизма и неоклассицизма.

22

Загородный дом в графстве Девон. Замок поднимается из скалы высотой 61 м, возвышающейся над рекой Тейн. Последний по времени замок, построенный в Англии.

23

Популярный в Англии противогриппозный препарат.

Гарри Гудини (наст. Э

рик Вайс, 1874–1926) – известный американский фокусник начала XX в. Софи намекает на его знаменитый фокус с таинственным исчезновением из закрытого ящика.

То есть тренер по лайф-коучингу, задача которого состоит в том, чтобы помочь человеку реализовать себя в какой-то важной для него сфере с применением тех скрытых ресурсов и потенциала, которые ранее им не использовались.

Купить: https://telnovel.com/ru/driskoll_tereza/eto-ne-son

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)